

ЦЕНА 50 КОП.

Р. АКУЛЬШИН

ДЕТИ ПУСТЫНИ

Б.
А.449

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

РОДИОН АКУЛЬШИН

A-4427

ДЕТИ ПУСТЫНИ

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ И. МРОЧКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

1767
2005

В КРД
ПРОВЕРено 1935 года

Б
А.442

ОТ ПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа.
Москва, Валовая, 28.
Главлит А-41774. Д. 31.
Гиз 32647. Зак. 1909.
Тираж 10 000 экз. 7 л.

1957-58 г.

~~18250~~

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
дома детской книги
ДЕТГИЗА

КОНТРОЛЬНЫЙ

674601 КХ-ред

Российская государственная
детская библиотека

ДЕТИ ПУСТЫНИ

ГЛАВА 1. ГОРЯЧИЙ БУРАН

— Бежим скорее! Барханы * начинают куриться! К полудню поднимется буря!

Так говорил пастух Бурибай своему подпаску Ульмасу. Старик, проживший больше пятидесяти лет в пустыне, знал ее нравы. И хотя утренний ветерок был почти незаметным, Бурибай был уверен, что через несколько часов горячий буран примется за свою губительную работу.

Всходившее солнце было огненно-мутным. Пустыня казалась похожей на океан, песчаные холмы — на застывшие волны. Теперь эти волны начинали оживать: струи песка клубились на их вершинах.

---

* Песчаные холмы.

— Ульмас, ты поедешь на ишаке * позади стада! С тобою рядом побегут сторожевые псы. Мне придется ехать впереди. Я знаю все дороги и тропинки в этом безлюдном царстве. К вечеру, а может быть и раньше, мы доберемся до высоких холмов.

Ульмас с тревожно бьющимся сердцем выслушал Бурибая, потом торопливо сел на ишака и свистом подозвал четырех громадных псов.

— Хитрец и Тигр, вы побежите слева от меня, Зоркий и Богатырь — справа!

Овцы в беспокойстве блеяли. Ветер быстро усиливался и становился горячее. Солнце заволакивалось пыльным туманом. Завыли предостерегающе псы. Напуганные воем овцы побежали быстрее. Молодые черные ярочки иногда спотыкались, застревая в песке. Старые седые овцы хватали на бегу сухие колючки. Стадо бежало в подветренную сторону. Солнце раскаляло песок. Горячие песчинки стегали Ульмаса в шею, и от этого была боль, как от укусов песьих мух. Ульмас остановился на минутку, чтобы завязать шею платком. И моментально возле ног его ишака стали вырастать песчаные холмики. Псы в беспокойстве залаяли, словно упрашивая подпаска двигаться дальше. Бурибай, оглянувшись, крикнул:

---

* Осел.

— Ульмас, бежим! Ульмас, остановка в такие минуты несет неминуемую смерть!

— Готово! — крикнул Ульмас и ударил палочкой ишака.

Теперь Ульмасу было лучше. Хотя шея и болела от ожогов, но раскаленные песчинки уже не впивались в нее своими жалами. Песок хрустел на зубах. Скоро солнце совсем спряталось за белесовато-желтым пологом бурана.

«Пустыня проглотила солнце», — подумал Ульмас.

Утро превратилось в ночь. Справа, слева и впереди возвышались барханы. Они были похожи на безумных великанов, потрясающих своими космами. Путь затруднялся с каждой минутой. Ульмас увидел, как споткнулся молодой пленной баранчик, как по нему пробежало несколько овец. Баранчик, помятый копытами, не мог идти. Ульмас хотел заиграть в рожок, чтобы остановить Бурибая и посоветоваться с ним о том, что делать: брать ли раненого с собою, или бросить в песках? Ульмас знал, что баранчик очень ценный, что при рождении у него был самый лучший завиток шерсти. А вот теперь он лежит беспомощный. Ульмас приказал Зоркому поднять баранчика. Зоркий осторожно схватил раненого за спину и поднес к Ульмасу. Ульмас положил баранчика на ишака.

«Куда мы бежим? Добежим ли мы до такого места, где не беснуется горячая метель? Уцелеют ли овцы? Вытерпят ли ишаки?» — задавал себе вопросы Ульмас. И тут же испугался: ему захотелось пить. В кармане, под халатом, в небольшом тыквенном горшочке у него хранилась пресная вода, но ее было очень мало, всего на пять или на шесть глотков.

«День еще велик. Хотя не видно солнца, но это не настоящая ночь. Буря свирепеет. Надо терпеть. Я буду терпеть! Я буду глотать слюни», — решил он.

Но огонь пустыни пробирался внутрь тела и сушил во рту.

Бурибая совсем не видно, но стадо движется, — значит, старик ведет его к цели. Как он находит дорогу в этом горячем мраке?

Левой рукой Ульмас поддерживал баранчика, правой ощупывал горшочек с водою. Соблазн вынуть горшочек из кармана все увеличивался. Но Ульмас помнил о советах Бурибая. Вот что много раз говорил опытный старик: «Когда жажда одолеет тебя и ты решишь, что терпеть больше нет сил, ты все-таки терпи! Помни, что после первого глотка тебя быстро потянет ко второму. Дурные мысли будут кружить тебе голову, они будут тебе шептать: „Выпей все сразу, тогда жажда спрячет когти и не будет терзать“. Не верь таким мыслям, потому

что в них вместе с сладким соблазном таится губительная слабость!»

«Нет, я не буду пить, пока мы не достигнем тихой стоянки», — решил Ульмас. На мгновение он забыл о горшочке, но больно стегающие по лицу струи песка вернули его мысли к воде. Чтобы отвлечь себя от желания вынуть горшочек, Ульмас затрубил в рожок. Робкий сигнал печально прозвенел и замер среди воплей и стонов разбушевавшейся пустыни. Бурибай откликнулся Ульмасу длительным призывом к бодрости, мужеству и терпению. Бурибая не было видно. Его закутывал мрак разгулявшейся стихии, голос его рожка относил ветром в обратную сторону, но все же Ульмас услышал его. Мальчика охватила радость, что он не одинок в этом умопомрачительном аду. Он с жалостью посмотрел на собак, которые с чуть-чуть открытыми ртами уверенно шагали за стадом. Овцы то и дело вздрагивали, стряхивая таким образом песок, покрывавший их шерсть. Ульмас на мгновение оглянулся назад, чтобы узнать, что там творится. Словно тысячи тонких игл впились в лицо мальчика и спрятались под кожей. Казалось, что там, позади, погибли небо и земля и клубится живой огонь. Еще с большей мукой Ульмас почувствовал жажду. Снова вспомнились советы Бурибая. Но что же делать, если невозможно терпеть? Дрожащими руками

Ульмас вынул горшочек и открыл узкое горлышко. Струи песку хлынули в отверстие горшочка. Ульмас поднес горшочек к губам, но вместо воды оттуда потекла жидкая грязь. Мальчик тоскливо вздохнул и вспомнил — но уже поздно — другой совет Бурибая: умело открывать в песчаную метель отверстие горшочка. Вот правило опытного человека: «Если жажда подчинила тебя своей власти, вынь из кармана сосуд и нераскрытым возьми его в рот. Зубами открой его и выпей чистой воды, сколько тебе нужно, чтобы подкрепить силы на трудном пути. Но не вздумай открывать сосуд на ветру. Тогда горячий песок скорее тебя выпьет остатки драгоценной влаги, а ты с досады будешь царапать свое лицо». Но горячая грязь вместо воды все же успокоила Ульмаса. Он не знал, сколько времени продлится это счастливое состояние, когда совершенно не думаешь о питье. Рожок Бурибая прозвучал, как обещание, что скоро конец мученьям. На песке стали чаще попадаться сухие стебли трав. Ульмас ответил старику. Ульмасу хотелось дуть в рожок как можно дольше. Перекличка с Бурибаем ободряла его. Ветер стал как будто затихать, но совершенно нельзя было определить, где солнце.

«Скоро доберемся до гор и напьемся чистой родниковой воды», — подумал Ульмас.

Но затишье было кратковременным. Как будто набравшись сил, с новой яростью затанцовали вихри в мертвом просторе. Ульмасу захотелось пить. Он посмотрел на печальные глаза баранчика, и ему стало стыдно. Ишак и овцы не пили больше суток и безропотно идут, погружаясь до колен в горячий песок. А он сидит на ишаке и вот уже второй раз думает о питье. Но теперь бесполезны всякие думы и бесплодны всякие желания. Пить нечего. Горшочек пуст. У подпaska закружилась голова. Он заиграл в рожок, но от этого головокружение усилилось. Левая рука устала поддерживать баранчика.

«Может, его бросить? Едва ли он оправится и превратится в хорошего барана, пригодного на племя. У меня нет больше сил держать его на ишаке! Но что я скажу Бурибаю? На стоянке он пересчитает всех овец и не досчитается самого молодого и самого красивого. Он скажет мне: „Как же ты не доглядел отставшего от стада? Почему ты не помог ему, не взял с собою на ишака? Возле тебя были умные и сильные собаки, а ты прозевал дорогого баранчика! Плохой ты пастух после этого! Тебя сводит с ума один день знойной метели. Учись терпенью у меня. Не одна тысяча таких дней на моей памяти. Будь крепче сердцем, зорче глазом и ловчее руками. Эта буря была для тебя испытанием. Плохо ты выдержал его, черноглазый Ульмас!“ Так будет говорить Бурибай.

Нет, я не хочу, чтобы он говорил мне такие слова! Я не брошу баранчика!»

Голова Ульмаса кружилась все сильнее. Теперь его больше жажды мучил страх, что он упадет с ишака. Он наклонился к баранчику. Баранчик лизнул Ульмаса в губы. Ульмас приник к баранчику и стал жадно сосать его влажный рот.

Через несколько минут Ульмас лежал на песке рядом с баранчиком. Ишак стоял возле них. Мальчик пытался затрубить в рожок, но руки отказывались двигаться. Тело дрожало, как в лихорадке. Клонило в сон. Стадо удалялось. Упавшего подпаска заносило песком. Ишак заревел. Все четыре собаки бросились сообщить Бурибаю о несчастье. С лаем они хватили его за полы халата и тянули назад. Бурибай затрубил в рог. В ответ ему неистово свистел ветер.

— С Ульмасом случилось несчастье, — сказал старик и остановил стадо. Погоняя осла, он не переставал трубить. Он хотел этим сказать: «Потерпи, Ульмас, я тороплюсь к тебе на помощь». Наполовину засыпанный Ульмас лежал, обняв раненого баранчика. Лицо подпаска было спрятано на груди животного. Ноги были затянуты песком. Бурибай поднял Ульмаса и, накрыв его полою своего халата, дал глотнуть из своего горшочка чистой воды. Вода привела Ульмаса в чувство; и мальчику вдруг стало очень стыдно, что так вышло.

— Я не помню, как упал... Я помню только, что у меня сильно кружилась голова. Я держал раненого баранчика и устал...

Бурибай взял баранчика на своего ишака, а Ульмаса привязал к его ишаку веревкой.

— Теперь я и без веревки не упаду, — застенчиво сказал Ульмас.

— Ураган затихает, — успокоил подпаска Бурибай и снова поехал впереди стада. Собаки остались с Ульмасом. Вдали сквозь мутную пелену показались очертания темных громадин.

«Это горы», — подумал Ульмас, и ему стало радостно, что он остался жив, что буря затихает и скоро стада, ишаки и он с Бурибаем напьются досыта чистой воды.

ГЛАВА 2. РАЗГОВОРЫ У КОСТРА

Солнце показалось перед закатом. Оно было беспомощное на вид, словно иссеченное горячими кнутами метели, заплаканное, ничего не видящее. Верхушки барханов все еще дымились. В бесконечном песчаном море провалы чередовались с холмами.

— Ветер проснется завтра вместе с солнцем, — сказал Бурибай, — целую неделю ураган будет справлять свой дикий праздник. Но нам теперь нечего бояться. Посиди, Ульмас, с двумя собаками возле овец, а я с двумя пойду на поиски

родника. Нам нужно не одно затишье. Тишина без воды — плохая защита. Овцы не пили около двух суток. Я знаю, что среди каменных впадин бьют прохладные чистые струи. Правда, среди лета сила струй ослабевает, но мы и не рассчитываем на громадные озера пресной воды.

Бурибай вместе с Зорким и Тигром скрылся в горах, оставив Ульмасу свой горшочек, в котором было еще несколько капель.

Бурибай советовал Ульмасу полежать, чтоб окончательно избавиться от головокружения. Но теперь подпасок был в таком состоянии, словно никогда не испытывал жажды и слабости в теле. Его наполняла гордость, что он, помощник Бурибая, не раздавлен и не сожжен пустыней.

«Если бы не баранчик, я бы и не подумал упасть с ишака. Бурибай говорит, что баранчик поправится. Мы не погубили ни одной овцы. Когда-нибудь я узнаю все тропы необозримых песчаных просторов и буду водить громадные стада и спасать их во время ураганов. Бурибай уже стар. Он говорит, что я буду хорошим пастухом. Теперь я не буду забывать ни одного правила Бурибая. Сейчас он велел мне отдохнуть. Но отдых — это не правило. Просто старик жалеет меня. Мне совсем не хочется отдыхать. Я лучше обойду все стадо и посмотрю на горы».

Измученные овцы лежали. Их дыхание было тяжелым. Они то и дело чихали. У них были печальные, усталые глаза.

— Потерпите еще немного, — говорил овцам Ульмас, — скоро придет Бурибай, и мы погоним вас на водопой.

Солнце еще держалось над горизонтом, медленно опускаясь с мутного неба за мутно-золотистый край земли. На горах не виднелось никакой зелени. Это были сплошные каменные массивы. Закат начинал разрисовывать картины на выступах серых вершин и над мраком темных ущелий. Подножия скал окрасились в светло-лиловые тона, а на вершинах вспыхнули огненно-розовые отблески. Над ущельями как будто за клубился синий туман. Небо над горами прояснялось от пыльной дневной завесы. Ульмас услышал рожок Бурибая. В горах он повторялся неоднократно откликами. Ульмас с радостью приставил свой рожок к губам и затрубил полной грудью. Очень быстро после заката на небе появились звезды, а за горами показалось багровое зарево: всходила полная луна. Снова слышался рожок Бурибая, на этот раз совсем близко, а через несколько минут Зоркий и Тигр, подбежав к Ульмасу, радостно завиляли хвостами.

— Есть? — обратился Ульмас к подходившему Бурибаю.

— Есть, — сказал Бурибай, — возле источника расположилось другое стадо, уже утолившее жажду. Пастухи — мои старые знакомые. Будем вместе пить чай и жарить лепешки! Давай поднимать овец.

Овцы покорно вставали и шли туда, куда вел их старый пастух. Все более золотевшая луна разбросала всюду узоры света и теней. Топот тысячи копыт сливался в звонкий шум, похожий на журчанье многих ручьев. Пришлось подняться по высокому уклону, потом спуститься в долину, повернуть направо и еще опуститься. У источника сердито залаяли чужие собаки. Их остановили пастухи, сказав, что идут свои люди. Вода из родника сбегала в углубление, похожее на продолговатое корыто. Овцы, услышав журчание, ринулись плотной массой к источнику. Пришлось при помощи собак оттеснить задних овец. Они блеяли в нетерпении. Ульмас говорил им:

— Подождите, все напьетесь, не давите друг друга.

Водопой занял с полчаса времени. Возле стада, которое пришло первым в горы, пылал костер. У источника рос камыш. Сухие стебли были хорошим топливом. Пастухи приготовились стряпать лепешки и кипятить чай. Из каменных глыб они сложили печку. Четыре человека сидело возле костра — Бурибай с Ульмасом и двое незнакомых Ульмасу — Ахмет и Тур-

сун. Ахмет был такой же старый, как и Бурибай, а Турсуну было не больше двадцати лет. Он очень удивился, когда увидел Ульмаса.

— Сколько тебе лет? — спросил он прежде всего.

— Двенадцать, — ответил Ульмас.

— Тебе, наверно, очень трудно жить в пустыне?

— Сначала было трудно, а теперь привыкаю. Бурибай говорит, что из меня выйдет хороший пастух.

— Мне жалко тебя, иди сюда, я дам тебе фисташек!

Молодой пастух подошел к мешку, в котором лежали вещи Турсуна. Турсун достал пригоршню орехов и высыпал в карман Ульмасу.

— Это гостинец моей матери. Я недавно был в своей деревне. Провожая меня в пустыню, мать сказала: «У меня нет ничего, кроме фисташек. Я насыплю их в твою сумку. Когда вспомнишь обо мне, разгрызи несколько орехов. Я теперь не скоро увижу тебя». На прощанье она плакала и все просила не забывать ее. Я ее никогда не забываю! Отец мой умер, когда мне было восемь лет. У меня есть сестра в одних летах с тобою. Она хорошо поет песни. У нее длинные волосы. Ее волосы с зеленым отливом, как перья у ворона. Если б можно было всегда жить дома, возле матери и сестры, это было бы самое лучшее, что можно придумать! Но тем, кто рождается в

бедной семье, об этом не приходится мечтать. Есть ли у тебя родители? Почему они тебя так рано отдали в неволю?

Вместо ответа Турсун услышал тяжелый вздох Ульмаса и еле сдерживаемое всхлипывание.

— Ты сам говоришь, что плохо тем, кто родится в бедной семье. У меня есть отец и мать. Но отец болен, а семья у нас большая. У меня четыре брата. Я — самый старший. Отец пошел к Тимуру и стал просить его, чтобы он меня взял в подпаски к Бурибаю. Тимур — самый богатый человек в нашей деревне. Он сначала смеялся и говорил отцу: «Ты, наверно, совсем обезумел. Ты хочешь, чтобы я послал твоего клопа наблюдать за громадным стадом? Разве ты не знаешь о нравах пустыни? Пустыня не урюковый сад». — «Я знаю об этом, — говорил Тимуру отец, — но я также знаю, что мы умрем с голоду, если ты откажешься нам помочь». Тимур согласился. И в марте, когда начали ягниться овцы, привез меня к Бурибаю. Вот уж полгода я живу в пустыне. Я часто вспоминаю о своих маленьких братишках, об отце и матери; но когда я задумываюсь, Бурибай говорит мне: «Ты опять заскучал о доме? Не нужно о нем вспоминать, черноглазый. Преврати свое сердце в камень, прогони с своего лица тоску!» Я знаю, что Бурибай очень умный, но нельзя, никак

нельзя позабыть о доме, нельзя вложить в грудь камень вместо сердца. Я часто говорю сам себе: «Не буду тосковать», а сам все-таки тоскую. Я не знаю, почему так бывает.

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Ульмасом.

— А меня Турсуном. С моим сердцем бывает то же самое. Мы будем дружить с тобою. Мы встретимся в пустыне еще не один раз.

— Эй, идите есть лепешки! — крикнул Бурибай.

Ульмас и Турсун пошли к костру. Ахмет месил на камне пресные лепешки, а Бурибай прилеплял их к стенкам печки. Было испечено уже около десятка лепешек. Овцы мирно сопели. Серые собаки лежали мордами к костру. То открывая, то закрывая глаза, они чутко прислушивались ко всяким звукам: к кашлю овец, к треску сухих камышовых стеблей, к звонкому шороху скатывающихся с гор камушков.

Когда пастухи уселись ужинать, в горах прокатился тонкий лай, похожий на плаксивое завыванье. Собаки быстро поднялись со своих мест и молча побежали на поиски врага.

— Шакалы, — сказал Бурибай, — трусливые зверюги, всегда выдают себя своей жадностью!

Над камышами мелькали крупные летучие мыши. Они словно кувыркались в воздухе. Под луною блестели каменные скалы.

За чаем начался разговор о дневной метели.

— Мы двинулись сюда до восхода солнца, — сказал Ахмет, — в полночь у меня заболели в суставах руки и ноги. Я сказал Турсуну: «С утра начнется непогода, мои кости никогда меня не обманывали. Поторопимся найти убежище в горах». Около полудня мы были здесь.

— Я только после восхода солнца понял, что надвигается ураган, — сказал Бурибай, — мы бежали почти целый день. С Ульмасом случилось несчастье. Но теперь я знаю, что он будет хорошим пастухом, и то, что было с ним сегодня, никогда не повторится.

— Что такое? Что с ним случилось? — спросили Турсун и Ахмет.

— Об этом он расскажет сам.

— Я расскажу об этом завтра, — смутился Ульмас.

— По дороге сюда мы видели много верблюжьих и человеческих черепов, — сказал Турсун. — Черепа старые, пожелтевшие. Кроме черепов много и других костей. Они наверно были занесены песком, потом песок перенесло ветром на другое место. Завтра новые волны вихря снова похоронят печальную грудку. Когда-нибудь пустыней шел с богатыми товарами караван. Купцы думали о том, сколько они получают барышей, какие подарки купят своим женам, какими коврами украсят стены своих жилищ, но про-

снующийся ураган сказал: «Рано думаете о барышах. Сначала подумайте о смерти». Купцы торопили своих верблюдов, но ураган был быстрее и сильнее самых быстрых и самых сильных животных. Он заставил остановиться мечтателей между барханами. Люди спрятались под верблюжьими животами. Прячась, они думали: «Как только затихнет буря, мы тронемся дальше». Буря затихла не скоро. А когда в пустыне водворилась тишина, ни заходящее солнце, ни взошедшие месяц и звезды не услышали бубенчиков под верблюжьими шеями, не увидели тяжелых вьюков с дорогими товарами на трясущихся горбах. Лишний холм прибавился в пустыне. Вот все, что осталось от каравана!

— Так наверно и было, — согласился Бурибай. — Пустыня способна только на злые шутки! Она очень дерзка и уверена в своих силах. Она нападает не только на караваны и овечьи стада. Она не щадит целые селения. Люди в страхе убегают от неумолимой властительницы. Деревня, где я родился, теперь не существует. Горячие пески сначала засыпали все каналы, потом высушили деревья и поползли на хижины. Люди пытались бороться с пустыней, прочищали каналы, сажали новые кусты и деревья. Но песчаные метели настойчиво делали свое дело. Тогда жители бросили насиженные места и пошли искать нового приюта. Когда я был маленьким,

то слышал много рассказов от стариков о погребенных в песке городах, когда-то бывших цветущими оазисами.

— Я думаю, что когда-нибудь люди научатся бороться с пустыней, — сказал Ульмас.

Над его словами все засмеялись.

— Я читал книжку, — продолжал Ульмас, — и в этой книжке написано, как один человек боролся с песками. Пески испугались его и отступили.

— Ты, наверно, читал глупую сказку, — сказал Ахмет. — То, что возможно в сказке, никогда не бывает в жизни!

Ульмас замолчал. Он был уверен, что книжки никогда не лгут. Прибежавшие собаки догрызали свежие кости.

— Поужинали шакалом, — сказал о собаках Бурибай.

Старики укладывались спать. Турсун позвал Ульмаса к дремавшим камышам.

— Давай посидим здесь. Я не знал, что ты грамотный.

— Я окончил начальную школу. Мне хотелось учиться еще, но отец сказал: «Бедным людям нужно думать не об ученьи, а о куске хлеба».

Турсун молчал.

— О чем ты думаешь? — спросил Ульмас.

— Я вспомнил сейчас о песнях своей сестры.

— Спой, а потом пойдём спать!

— Я не могу петь так, как поет она!

— Спой так, как можешь!

Турсун после короткого молчания запел тихо, чтобы не будить стариков, унылую песню. Свет луны падал на его лицо. Ульмас сидел у его ног.

Цвел в саду урюк душистый,
брат вернулся из пустыни.

А когда цветы опали,
брат надолго нас покинул.

Золотеет плод на ветке.

От луны в саду узоры.

Небо звездами лучится, —
то мои ночные слезы.

Вдаль тропинка убегает,
но не видно пешехода.

Нас пустыня разлучила,
ненасытная пустыня.

— Хорошая песня, — сказал Ульмас, — все в ней правда.

Не отвечая Ульмасу и глядя на луну, Турсун запел на другой мотив:

Одна для всех луна на небе,
но велика земля!

Одно для всех на небе солнце,
но жизнь у всех своя!

В пирах одни проводят время,
другие слезы льют!

В пустыне знойной в час вечерний
скажи: права ли жизнь?

— Нет, не права, — сказал Ульмас. — Почему один должен жить под палящими лучами солнца, а другой — под тенью чинар, возле прохладных арыков *?

— Милый Ульмас, в твоих словах есть доля правды, но ты не знаешь, что прежде бедным было в сто раз хуже, чем теперь. Тогда хозяин поступал с нашим братом так, как ему хотелось, он мог нас уволить в любое время, мог обсчитать и совсем не заплатить жалованья. Теперь совсем не то: теперь хозяин подчиняется договору. Теперь пастухов защищает пастушеский союз.

— Я не знал об этом... Мой отец не подписывал договора с Тимуром.

— Ты, Ульмас, наверно, не знаешь и о том, что пастух теперь не навек закабален пустыней. Если он захочет учиться, для него всегда открыты двери школы... Ты думаешь так же, как моя сестра. Она тоскует обо мне, а ты скучаешь о доме. Вот почему у вас такие печальные мысли. И мое сердце часто рвется на родину, но умом своим я знаю, что теперь совсем не такая жизнь, как прежде. Может быть, и нам нужно соснуть? Овцы проснутся рано. Они давно спят. И старики наши сладко похрапывают. Звезды не устают глядеть всю ночь, но зато они отдыхают днем.

Ульмас спросил:

---

* Каналов.

— Ты хорошо знаешь, что пастухам можно учиться?

— Да, я это знаю очень хорошо.

Засыпая, Ульмас думал о родителях, о школе, об овцах, о Турсуновой сестре. Мысли путались, становились легкими и таяли, словно облака на весеннем небе. Вот их не стало совсем. Ульмас уснул.

Горы гудели. Накаленные за день, теперь они остывали и трескались. Псы чутко дремали. Круглая луна покрывала блеском голые вершины скал и золотила песчаный океан пустыни.

ГЛАВА 3. НЕОЖИДАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

В весеннее время, ложась спать, Бурибай привязывал себя к ноге старшего барана. Овцы весной спят не больше трех часов. Просыпаясь, баран тянет за веревку и будит пастуха. Но теперь весенние порядки были нарушены. Бурибай спал без привязи. Утомленные дневным бегством по пустыне, овцы тоже проспали до самого утра. Всклотившее солнце бросало раскаленные стрелы лучей. Над пустыней быстро сгущалась мгла. Над горами собралась маленькая туча. Но дождевые капли испарялись в воздухе, не достигая земли. Пастухи стали думать о том, чем кормить овец. В лощине, между скал, росли камыши, но их было очень мало.

— В сильную жару питье важнее еды, — сказал Ахмет. — Воды здесь достаточно. Овцы могут потерпеть без корма еще несколько дней. У них есть запас жира в хвостах. Смотрите, как спокойно лежат молодые черные ярочки и седые матери.

Турсун прошел среди овец и собрал клочки шерсти.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Ульмас.

— Я пряду из них при помощи веретена пряжу и сматываю в клубок. Когда пойду домой, отдам сестре. Она свяжет для себя и матери теплые чулки.

— Я тоже буду подбирать шерсть, — сказал Ульмас. — Сделай мне веретено и покажи, как нужно прясть.

В горах свистел ветер. Пыльный туман полз из пустыни.

— Горе караванам, — сказал Ахмет, — сегодня будет страшнее вчерашнего. Солнца уже не видно. Давайте закусим лепешками.

В камышах слышался хруст. Собаки рванулись с места.

— Басмачи, — сказал Ульмас.

Бурибай улыбнулся.

— Басмачи стараются нападать ночью, врасплох. Просто какая-нибудь зверюга.

Через минуту поднялся задорный лай и отчаянное визжанье.

— Кабан! — сказал Ахмет. — Откуда его занесло? Кабаны любят проживать возле деревень и лакомиться джугарой.

— В камышах они встречаются тоже очень часто, — добавил Бурибай.

Турсун и Ульмас побежали к камышам. Собаки хватили черного кабана за хвост и за ноги. Кабан отбивался клыками. Но его живот был прокусан уже в нескольких местах. Из ран текла кровь и обрызгивала камыши. Турсун приблизился к кабану и хотел пронзить его ножом в шею. Но вид ножа словно придал силы кабану, и он, рванувшись, сбил с ног Турсуна. Это разозлило собак. Не боясь клыков, они скопом набросились на кабана и перегрызли ему горло. Турсун поднялся и, хромя, подошел к мертвому животному.

— Какой сильный и ловкий! Восемь собак еле справились. Не может быть, чтобы здесь приютился один кабан.

— Тебе больно ногу? — спросил Ульмас.

— Ничего, заживет.

— Что мы теперь будем с ним делать?

— Обдерем и зажарим.

— Бурибай не ест свинину.

— Ахмет тоже не ест. Пусть не едят, а мы будем. Чем кабан хуже лошади? По-моему даже вкуснее. Плохой закон, который запрещает есть свинину.

Старики были очень удивлены неожиданной добычей. Они были не против того, чтобы Турсун и Ульмас ели кабанье мясо, но сами не хотели «оскверняться».

Кабан был очень большой. Голову, ноги и внутренности Турсун отдал собакам. Кабанья туша была разрезана на несколько частей. Под нависшей скалой молодые пастухи устроили очаг и развели огонь. Поджарив все куски, они с аппетитом позавтракали. Старики морщились, глядя на молодежь, глотающую свинину. Оставшееся мясо Турсун заложил камнями.

— Поглядите, что творится в пустыне, — сказал Ульмас, — какая она угрюмая и беспросветная!

— Ветер делает пустыню страшной. В тихую погоду она похожа на золотистое море. Ураган будоражит ее лицо.

— Как хорошо, что мы находимся под защитой скал. Слышишь, как плачет в них ветер? Я боюсь, что глыба вон на той вершине не удержится. Я смотрю на нее все время. Мне кажется, что она покачивается. Если она упадет в эту сторону, она погубит много овец.

— Она качается много лет. Чтоб ее столкнуть, нужно соединиться вместе сотне таких ураганов, как теперь.

— А я все-таки боюсь, что глыба упадет: она наклонена в эту сторону, — настаивал Уль-

мас. — Я скажу Бурибаю, чтоб он отвел овец по-
дальше от этого места.

— Ты чудак, потому и боишься. Ты знаешь,
сколько тонн в этой глыбе? Во всяком случае
не меньше восьмидесяти.

— Если она упадет, от овец ничего не оста-
нется, — с задумчивой тревогой сказал Ульмас.

Овцы заблеяли. Бурибай подогнал свое стадо
к роднику. Ульмас подбежал к старику и показал
на качающуюся глыбу. Бурибай долго глядел
на нее и согласился с Ульмасом, что овец нужно
отогнать в сторону.

Буря продолжалась три дня. На четвертое
утро барханы спокойно лоснились под горячими
лучами. Теперь они были похожи на утомленных
великанов, задремавших до поры, до времени.
В горах от родника поднимались испарения.
Овцы настойчиво просили корма.

— К вечеру пойдем на берег реки, — сказал
Бурибай.

Ульмас часто взглядывал на небо. Голубое над
пустыней, оно кудрявилось темне-сизыми обла-
ками над вершинами скал.

— Если пойдет дождь, то будет очень кстати, —
сказал Ахмет. — Подождем, когда он искупает за-
пыленных овец, и тронемся каждый своей дорогой.

— В такой зной капли не успеют долететь
до земли и на своем пути превратятся в пар, —
сказал Бурибай.

— Собирается сильная туча. Я знаю, что дождь доберется до земли. Вот уже грохочет гром.

Первые крупные капли, предвестницы ливня, казались испуганными, упавшими не на свое место. Но те, что бежали за ними, как будто ободряли трусливых, и вот сплошною гудящей стеною ринулась вода. Властные раскаты грома, не умолкая, перекликались от вершины к вершине. Бурибай и Ульмас загнали овец под нависшие выступы скал. Ахмет и Турсун при помощи собак удерживали овец на дожде. Овцы метались в разные стороны. Вдруг словно подземный толчок потряс горы. Глыба, которой боялся Ульмас, сорвалась и покатила в сторону Ахметова стада. Ахмет и Турсун пугнули овец. Овцы побежали по долине. Молодые ярочки не могли удержаться на скользких камнях и спотыкались. Их уносило струями теплой воды. Сорвавшаяся глыба докатилась до печки, в которой в первый вечер пастухи пекли лепешки. Овцы Ахмета успели от нее убежать, но их стегал дождь и сбивали с ног мелкие камни, подмываемые шумными ручьями.

— Что скажет хозяин Ахмету и Турсуну, если погибнут овцы? — спросил Ульмас у Бурибая.

— Если в гибели овец виноваты пастухи, то хозяева делают вычет из жалованья. Но чаще всего пастухи не виноваты в смерти стада.

— Ахмет виноват, что овец смыло дождем?

— В этом случае виноват Ахмет.

— Ведь он хотел искупать овец?

— Но он знает, что горные дожди почти всегда бывают разрушительными. Видишь, какая в них сила: они подмыли огромную глыбу, которую не мог столкнуть ураган!

Дождь прошел очень быстро, и от тучи не осталось на небе никакого следа: ни облаков ни радуги. В лужах воды среди камней играло солнце. В ущельях звенели бегущие струи. Бурибай и Ульмас вышли из-под защиты и выгнали овец.

— В дорогу? — спросил Бурибай.

— В дорогу, — сказал Ульмас.

Далеко, за горами, прозвенел рожок Ахмета.

— Давай догоним их, я хочу проститься с Турсуном, — попросил Ульмас.

В Ахметовом стаде погибло четыре взрослых овцы и семь молодых ярочек. Ахмет ругал себя за то, что допустил такое легкомыслие.

— Что теперь мы скажем хозяину? Куда мы денем одиннадцать туш мяса? Как мне самому смотреть на себя? Я поступил, как неразумный ребенок. Турсун, почему ты не посоветовал мне загнать овец под навес скалы, как это сделали Бурибай и Ульмас?

Турсун молчал. Ему было стыдно перед Ульмасом, которому он говорил, что глыба ни в каком случае не может свалиться.

— До свидания, — сказал Ульмас Турсуну, — может быть, когда-нибудь увидимся. Не горюй Турсун! Я буду помнить о песнях твоей сестры. Я не забуду твоих слов о том, что пастухи могут учиться, если у них есть к этому желание!

— Поживите возле гор еще с неделю, а мы пойдем к реке. Прощайте, — сказал Бурибай.

Небо было похоже на стеклянный голубой купол, накрывший золотое море. Пустыня растянулась на тысячи молчаливых километров. Сидя на ишаке, Ульмас прислушивался к тишине. На горизонте, в колеблющихся струях воздуха, вырос большой караван. Ульмасу казалось, будто он слышит серебряный звон бубенцов на верблюжьих шеях. Из-под сухого стебля выпорхнула желтовато-серая птичка. Овцы дружно шли за Бурибаем. Баранчик, раненый в бурю, на стоянке в горах поправился и теперь бежал, не отставая от стада. Ульмасу хотелось кричать о том, как иногда красива пустыня, но он боялся, что добрый Бурибай будет над ним смеяться.

— Пески! Пески! — сплошное золото! А небо.. какое оно голубое!

ГЛАВА 4. РАСКРЫТЫЙ ЗАМЫСЕЛ

— Ульмас, видишь, какие громадные копыта скачут по пустыне?

— Я все время смотрю на них. Они бегут в ту сторону, где живут отец и мать.

— Ты опять об отце и матери? Когда я тебя отучу от этих мыслей? Ты думай о том, что пришла осень. Это она гонит по пустыне шары перекати-поля. Теперь со дня на день к нам заявятся стригуны, а потом приедет за шерстью хозяин.

Последние два месяца стадо Бурибая паслось недалеко от колодца, где росло много колючего янтака. Ночь овцы проводили в загоне. Загон был окопан песчаным валом. Поверх вала была наложена высоким слоем колючка. За этой оградой во время песчаных метелей было лучше, чем на открытом месте. Загородка имела только один выход. Овец было трудно загонять в загородку. Всегда первыми входили ишаки. За ишаками шел старый баран, за которым устремлялись все овцы.

До колодца было два километра. Колодец принадлежал седобородому Туякбаю. Возле колодца был сделан шалаш, в котором он проводил ночи. Днем Туякбай почти всегда занят.

Рядом с колодцем стояла большая глиняная кадушка. Внизу у кадушки было просверлено отверстие. От кадушки по земле шло длинное углубление, выложенное камнями. Вода из колодца сначала сливалась в кадушку, а оттуда вытекала в каменное корыто.

В жаркий полдень Бурибай и Ульмас пригнали овец на водопой. Им пришлось подождать: на

очереди к корыту были другие стада. Пустыня оглашалась разноголосым блеяньем. Верблюд, единственный помощник Туякбая, ходил взад и вперед по утоптанной дорожке. Он все время вытаскивал и опускал кожаную веревку, на конце которой был прикреплен пятиведерный кожаный ковш. С приближением верблюда к колодцу ковш опускался, с удалением от колодца поднимался и выливался хозяином в кадушку. Колодец был очень глубокий. Пока вытаскивался новый ковш, вся вода из кадушки вытекала в корыто. Овцы всегда лезли поближе к кадушке, где было больше воды.

Туякбай знал всех пастухов, он знал, сколько у каждого пастуха овец. Для каждого стада у него были заведены длинные деревянные палки. По зарубкам на них он узнавал, сколько раз в году приходило к колодцу каждое стадо. Осенью и весной, когда в пустыню приезжали хозяева, Туякбай получал с них плату за водопой. С ним расплачивались не деньгами, а шерстью.

У колодца пастухи узнавали все новости пустыни. Ульмас очень удивился, когда увидел стадо стриженных овец, подходивших к колодцу. Значит, стригуны уже начали свою работу. Приближающаяся зима сводила все разговоры пастухов к тому, где хорошие корма, какие в этом году ожидаются морозы и нужно ли ждать гололедицы.

— Почему они говорят о зиме, когда еще очень тепло и собаки от жары высовывают языки? — спросил Ульмас.

— А шары перекати-поля? О чем они говорят? Взгляни на небо. Журавли покинули север и длинными треугольниками тянутся к югу.

— Я слышу их курлыканье.

— Теплых дней осталось немного!

Когда овцы Бурибая подошли к корыту, от пастуха к пастуху поползла тревожная новость. От нее все отмахивались, в нее не хотели верить, но молодой пастух Милик уверял, что его сообщение так же верно, как то, что день чередуется с ночью.

— Откажись от своих слов, пока не поздно, — с угрозой сказали пастухи Милику. — Ты выпускаешь про честных людей клевету. Этого не было никогда, с тех пор, как появились на свете пастухи и овцы.

— О чем они спорят? За что они ругают Милика? — спросил у Бурибая ничего не понимавший Ульмас.

— Подожди, все узнаешь, — тревожно сказал Бурибай.

— Я говорю правду, — горячился Милик, — я сказал об этом, чтоб предостеречь пастухов от беды.

— Что за беда? О чем вы шепчетесь? Я пастух и хочу знать, что на нас надвигается, —

задорно крикнул Ульмас. — Вы скрываете от меня какую-то страшную тайну, как будто я мальчишка. Милик, повтори вслух то, о чем ты объявил шопотом.

— Я скажу. Поверьте мне, мудрые старики. Я мелод, но сплетником никогда не был и не буду.

— Говори скорее, в чем дело! — снова крикнул Ульмас.

Милик оглянулся во все стороны. Туякбай остановил верблюда и подошел к пастухам. Все замолчали.

— В пустыню вместо стригунов приехали басмачи, — начал Милик. — Когда стригуны Арслан и Сайфи выехали лунным вечером из своей деревни по направлению к пустыне и проезжали урюковыми садами, на них напали вооруженные басмачи. Кинжалами они пронзили опытных стригунов, а сами оделись в их халаты. Лицом они очень похожи на Арслана и Сайфи. Они думают, что их никто не узнает. Трудно подумать, что это разбойники. Если бы они сейчас подъехали к колодцу, вы бы сказали, что это Арслан и Сайфи. Но есть одна примета, по которой можно узнать разбойников: во время стрижки овец они не снимают халатов и не засучивают рукава до локтей, потому что на локтях у них черные разбойничьи знаки: кинжал и топор. Эти знаки никогда не стираются, потому что чернила накапаны в ранки, сделанные иголкой.

— Если их нельзя определить по виду, то можно сразу узнать по разговору, — сказал Бурибай.

— Откуда ты узнал все то, о чем сейчас рассказал? — спросил Ульмас.

— Когда я гнал к колодцу овец, мимо меня проехал на верблюде владелец большого стада. Он остановил меня и сказал: «Предупреди пастухов, что на них надвигается несчастье». Потом рассказал о басмачах и добавил: «Все хозяева узнали об этом и торопятся к своим стадам».

— Но кто же остриг тех овец, которые сейчас ждут очереди к корыту с водою?

— Басмачи, но они не хотят сразу приступить к убийствам и воровству. Они добиваются того, чтобы в них поверили, как в добрых стригунов. Говорят, что они пробуют угощать пастухов дорогими папиросами. Не нужно их курить, потому что в этих папиросах отравы. Когда они отравят пастухов, то соединят вместе все стада, а потом угонят их в Персию или в Афганистан и там продадут за большие деньги.

За разговором пастухи не заметили двух всадников, приближавшихся к колодцу. Их увидел Гуякбай. Всадники сидели на верблюдах, принадлежавших Арслану и Сайфи.

— Здравствуйте, почтенные старцы и кроткие юноши, — сказали разбойники. — О чем бедуете на досуге?

Пастухи не знали, что отвечать.

Ульмас решил выручить стариков из замешательства. Он сделал шаг вперед по направлению к басмачам и сказал:

— Мы рассказывали друг другу сказки о двух волках, которые нарядились в бараньи шкуры.

Разбойники поняли намек мальчика и спросили у него:

— А вы не говорили о том, как эти волки проглотили дерзкого храбреца, похожего на тебя?

— Нет, мы об этом не говорили, — спокойно ответил Ульмас и отступил от басмачей.

— Почему вы такие молчаливые? Прежде вы были гостеприимнее. Разве вы не признали своих старых друзей — Арслана и Сайфи?

— Милости просим пожаловать к нам на стоянку, давно вас ждем, — сказал Бурибай. Он говорил это очень смело, потому что видел то, чего не видели разбойники: к колодцу приближались три новых всадника — хозяин стада Тимур и его два брата. Все пастухи приветствовали приехавших поклоном. Тимур пустился на хитрость. Он сделал вид, будто ничего не знает. Приблизившись к басмачам, он улыбнулся и сказал:

— А, здравствуйте, старые приятели. Как поживаешь, Арслан? Был слух, что ты, Сайфи, целый месяц страдал малярией?

— Да, кое-как избавился от проклятой, — сказал тот, кого называли Сайфи.

— Ну, Бурибай, каков твой молодой помощник?

— Лучше старого, — сказал пастух.

Ульмасу от такой похвалы стало трудно дышать. В груди теснилась радость.

Пастухи погнали стада от колодца. Тимур пригласил переодетых разбойников на свой загон.

— Если у вас тупые ножницы, то я привез с собой несколько пар острых, — сказал хозяин стада.

— Перед отъездом в пустыню мы наточили их, — сказали басмачи.

Ульмас ждал чего-то страшного. Он боялся, и в то же время ему хотелось, чтоб это случилось скорее. Возле загона овцы столпились и заблеяли. Как всегда, Бурибай проехал первым на ишаке. Когда все овцы вошли в загон, Тимур сказал:

— Ну, что ж, можно приступить к работе. Басмачи слезли с верблюдов.

— Условия прежние, — сказали они Тимур: — с каждой одиннадцатой овцы шерсть в нашу пользу.

Тимур согласился. Решили сначала остричь старых овец и баранов. Все они были седые. Ко второму году своей жизни каракульские овцы седеют. Седая шерсть старых овец хуже, чем шерсть молодых черных ярочек. Черную скла-

дывают в отдельные мешки. Ее получается меньше, но она нежнее и дороже седой.

Бурибай и Ульмас стали связывать овец путами, которые привез Тимур. Осторожно озираясь по сторонам, басмачи сели к связанным овцам и начали стричь шерсть, сначала на ногах, потом на животе, на боках и на спине.

«Хорошо стригут», — думал Бурибай.

— В халатах вам неловко, — сказал Тимур.

— Ничего, солнце идет по дороге к закату. В такие часы оно скупится на тепло. В этом году всюду свирепствует лихорадка. Нам лучше работать в халатах.

— Прежде вы всегда засучивали рукава.

— Но теперь у нас ломота в локтевых суставах, и мы решили работать без засученных рукавов.

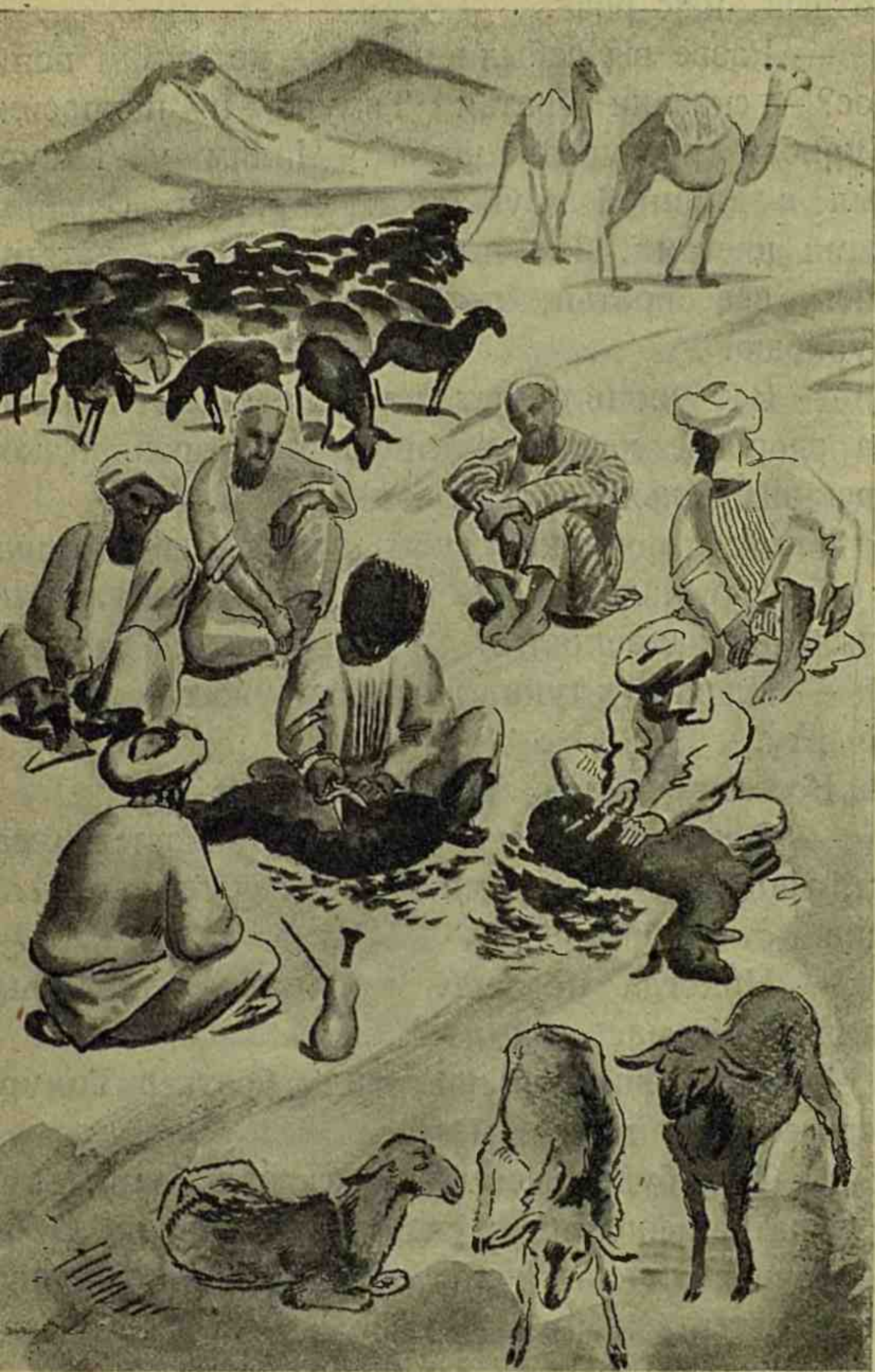
— Вам виднее, что для вас лучше, — сказал Тимур.

Братья Тимура, усевшись позади басмачей, тоже занялись стрижкой овец.

— Сколько времени вы пробудете в этом районе? — спросил Бурибай, подтаскивая связанную овцу.

— Как острижем все стада. Думаем, что это протянется не меньше месяца.

— Почему вы уселись позади нас? — спросили басмачи у братьев Тимура. — Давайте усядемся в кружок. Не хотите покурить? У нас

замечательные папиросы. Табак турецкий, ароматный, как роза.

— Разве вы забыли, что мы не курим папирос? — сказали братья Тимура и попросили Бурибая раскурить чилим. Чилим у Тимура был с длинной трубкой и украшен серебряными цветами. Из него по очереди затянулись все братья, потом предложили курить Бурибаю.

— Вот уж пять лет, как я перестал курить. За здоровье хозяев затянусь один раз. Какой крепкий кальян! Ульмас, попробуй.

Ульмас приложил губы к трубке и потянул в себя дым кальяна. На глазах у него выступили слезы. Он закашлялся.

— Плохая штука, голову кружит и щиплет во рту.

Все засмеялись. Тимур сказал:

— Зеленая молодежь всегда начинает с ругани, а кончает похвалами. Через год тебя не оттащишь от чилима.

— Никогда не буду курить, — решительно заявил Ульмас.

Басмачи еще раз попросили братьев Тимура пересесть на другое место.

— Так будет веселее, — сказали они.

Братья исполнили желание разбойников. Солнце прикоснулось к краю пустыни. Бурибай развел костер.

— Для первого раза достаточно, — сказал Тимур. — Попьем зеленого чаю, закусим лепешками и на боковую. Завтра встанем до восхода солнца.

Закат быстро погас. Крупными цветами расцвели звезды. Разбойники легли поодаль от остальных. Тимур перед сном подозвал к себе собак. Овцы быстро уснули, а люди молчали, но заснуть не могли. Басмачи захрапели.

«Притворяются», — подумал Ульмас и шопсом спросил: — Бурибай, ты спишь?

— Я не сплю, — так же тихо сказал Бурибай, — не спи и ты, но не будем разговаривать, они подслушают нас.

Братья Тимура и сам Тимур вынули из карманов револьверы. Собаки не спали. Темная ночь ждала чего-то. В полночь захрапели хозяин и его братья. Где-то очень далеко в чужом стаде заревел ишак. Собаки приподняли головы. В вагоне послышался хруст. Ульмас приложил руку к сердцу, которое хотело выпрыгнуть из груди.

«Они поднимаются, — говорил он про себя, боясь пошевелиться, — они о чем-то шепчутся... распахивают халаты... вынимают из ножен острые кинжалы... Звезды блестят на ясной стали кинжалов... Они крадутся на цыпочках к Тимуру... Тимур лежит на спине и ничего не слышит... Тимур храпит... Его братья храпят...

Надо их разбудить. Надо закричать громким голосом, чтобы проснулась пустыня. Они зарежут сначала их, потом расправятся с нами!»

Ульмас задыхался. Он больше не мог сдерживать себя. Он раскрыл рот, чтоб разбудить Тимура, но в это мгновение рука Бурибая закрыла лицо мальчика, и еле слышный голос властно приказал: «Молчи». Храп спящих братьев становился все шумнее. Это ободрило разбойников. Они зашагали смелее. Ульмас видел, как они занесли кинжалы над спящими, чтобы пронзить их сердце. Но они не успели этого сделать. Три почти одновременных выстрела повалили их на землю и разбудили пустыню. Всполошилось уснувшее стадо, залаяли собаки. Ульмас и Бурибай подбежали к убитым. Тимур приказывал собакам:

— Грызите их; обманщиков и грабителей! Они хотели опустошить наши равнины. Они задумали нажать на бухарских стадах миллиарды рублей. Грызите их, убийц Арслана и Сайфи!! Они погубили честных стригунов и притворились нашими друзьями! Утром вместе с зарею ветер пустыни от края до края разнесет радостную весть, что хитрый замысел раскрыт, что нашим стадам не грозит никакая опасность. Каракульские овцы останутся на своей родине.

— Их нужно обыскать, — предложили братья Тимура.

Кроме папирос и денег, в карманах убитых были найдены секретные письма. Письма были написаны рукою богатого перса, который сообщал разбойникам, какую они получают награду, если не позднее декабря пригонят в Персию пять тысяч каракулей.

— Это письмо нужно сохранить. При помощи этого письма мы притянем к ответу жадного персюка. Пусть он узнает, что с бухарскими овцеводами шутки плохи.

Трупы были выброшены за песчаный вал. Утром пастухи торопились к колодцу.

— Мы слышали ночью выстрелы, — говорили они Туякбаю. — Разбойники начали свою губительную работу?

— Они кончили ее, — успокаивал всех Туякбай.

— Вон гонит свое стадо Милик. Спасибо Милику. Вон виднеются овцы Бурибая. Бурибай расскажет нам о страшной ночи.

К полудню у колодца собрались все пастухи; и приехал с братьями Тимур. Много раз было прочитано письмо из Персии. Много раз были повторены рассказы Тимура, Бурибая, Ульмаса и братьев хозяина.

— Где их тела? — спросил Милик.

— Валяются за песчаным валом.

— Их нужно оттащить подальше от загона. Ночью они будут растерзаны шакалами.

— Я предлагаю зарыть их в песок, — предложил Милик, — а на могильном камне сделать такую надпись: «Здесь похоронены нечестные люди, которые хотели разорить нашу страну за деньги персидских купцов. Прохожий, отвернись от нечестной могилы и предай проклятью врагов народа».

Многие сказали:

— Милик говорит правильно! Мимо этого колодца проходят караваны чужеземных купцов. Могила с надписью заставит их призадуматься. Они никогда не захотят воспользоваться услугами убийц.

Вечером тела были зарыты. Камень для надгробья дал Туякбай. Буквы на камне выбил молоточком Милик. На другой день Тимур уехал за новыми стригунами. Стрижка овец в этом году затянулась до предзимних холодов. Бурибай и Ульмас получили за полгода жалованье. Кроме этого, хозяин дал им по теплomu зимнему халату, по новой синей чалме и по паре сапог. Для питания была привезена мука и копченая баранина.

ГЛАВА 5. ГОРЕ УЛЬМАСА

Подули холодные ветры. Замелькали в воздухе снежинки. По небу поползли серые зимние тучи. Ульмас обмотал ноги теплыми портянками. Песок пустыни, прибитый осенними дож-

дями и спаянный морозами, не плевался, но холод проникал за халат и студил руки.

— У колодца не осталось ни одной колючки. Нужно гнать стадо на берег Аму-Дарьи. Там много корма. Нужно приготовить зимнюю стоянку, пока не очень сильно промерзла земля.

Так говорил Бурибай Ульмасу. Подпасок испытывал большую тревогу. Он видел, что плохо здоровье Бурибая.

«Старик, наверно, простудился, — думал Ульмас. — Старику надо бы отдохнуть, ему идет шестьдесят третий год. Всю жизнь он бродит по пустыне, не зная покоя, оберегая чужое добро. Сколько раз я говорил ему: „Бурибай, давай выроем землянку и покроем колючкой. Ты будешь стдыхать в землянке, а я буду водить стадо. Я теперь ничего не боюсь! Я узнал много дорог и тропинок. Умные псы не дадут меня в обиду“. Но он не слушает меня, он улыбается в ответ на мои слова. „Буду крепиться, пока держат ноги, — говорит он мне. — Горе тому пастуху, который станет стлеживаться в землянке. Для лежанья много времени после смерти. Ветер пустыни посмеется надо мною, если я послушаюсь тебя“. Он всегда отвечает мне так, а по ночам кашляет почти без перерыва. В последние дни он ничего не ест. Его все время мучает жажда».

Осенняя стоянка была покинута. Стадо пошло на зимовку к берегам Аму-Дарьи. Снежинки с каждым днем все дружнее покрывали пески пустыни. Один раз, проснувшись утром, Ульмас не увидел ни одной колючки, ни одного стебля травы. Все было засыпано толстым слоем снега. Словно рыхлой ватой оделись безлюдные просторы. Но овцы не испугались белого одеяла пустыни. Разрывая копытами снег, они находили для себя корм. Бурибай боялся оттепели, а потом морозов, когда пустыня покрывается плотной коркой льда.

— Нам нужно повернуть к югу, поторопимся, Ульмас. Гололедица страшнее летних ураганов.

— Тебе нужно полечиться, у тебя дрожат от слабости колени. Мы не успеем убежать от джута*.

— Идем, идем, я чувствую на своем лице теплый ветер. Предательский ветер. Через день или два он уступит свою власть холодным струям воздуха.

Следующий день был теплым. В овечьи следы набегала снежная вода. Бурибай ехал впереди. Вечером на небе появился тонкий крутой серп луны.

— Будет мороз. Не нужно останавливаться на ночлег. Призрак голода бежит за нами.

---

* Джут — гололедица.

Ульмаса испугало бледное лицо Бурибая.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он у старика.

— У меня зябнет спина, но не нужно из-за этого волноваться. Сейчас у нас одна забота — бегство от гололедицы. Овцы истощены бескормницей. Если ледяная корка продержится больше недели, от нашего стада не останется и половины.

И они бежали. Серп луны опустился с горизонта.

«Он похож на изогнутый прут железа, вынутый из кузнечного горна», — подумал Ульмас.

На снегу застывала корочка. Сначала она была очень тонкой. Но от каждой звезды как будто протягивались морозные нити и пришивали к тонкой ледяной пленке все новые слои льда. Овечьи шаги с каждой минутой становились звонче.

Бурибай затрубил в рожок и остановил стадо. Ульмас поторопил своего ишака. Бурибай не мог сидеть. Его мучил страшный озноб. Ульмас прикоснулся к лицу старика. Оно было горячим.

— Давай остановимся, — стал упрашивать подпасок, — я постелю тебе свой мешок, я одену тебя своим халатом. Мне ничуть не холодно. Скоро взойдет солнце. Оно растопит ледяную корку и согреет твоё тело.

— Милый мой помещник! — сказал Бурибай. — Видишь, как некстати и не во-время я

захворал. Мне нужно было гнать от себя болезнь, а я поддался ей словно ребенок. Теперь тебе придется вести стадо. Меня ты привяжешь веревками к ишаку. Я займу твое место. Я буду смотреть за отстающими овцами и сообщать тебе рожком.

— Бурибай, я не могу ехать впереди. Сейчас ночь. Все тропинки затянуты льдом. Давай подождем до утра.

Они остановились. Ульмас приготовил постель для Бурибая. Он лег рядом с ним. Старик отдал подпаску завернутые в тряпку деньги.

— Если я умру, сбереги это до весны. Весною в пустыню приедет мой брат. У меня нет никого родных, кроме брата. У меня никогда не было жены и детей. Пастухам нельзя жениться. Всю жизнь они проводят в пустыне. Мои дети — овцы. И ты мне вместо сына. Брат мой живет бедно. Каждую весну во время стрижки овец он приезжает навестить меня и получить мой заработок. У брата большая семья. У него больные дети. Каждый год они с нетерпением ждут весны. Весною у них появляются чай и пшеничные лепешки. Я — опора для них. Когда я умру, им придется просить милостыню. Работать они не могут. Сохрани, Ульмас, этот сверток, спрячь его получше. Я прошу это не для себя, а для брата.

Невыносимая тоска сдавила сердце подпаска. В эту ночь он вспомнил разговор с Турсуном в горах, у костра, и снова остро почувствовал несправедливость жизни. «Хозяин не знает о наших страданиях, — думал он, — хозяину нет никакого дела до того, что часто наша жизнь висит на волоске».

— Ты не умрешь, я знаю, что ты не умрешь. У тебя лихорадка. Ты не пугайся смерти, ты не думай о ней, тогда она скорее уйдет от тебя, — говорил Ульмас.

— Спасибо, мой нечаянный сын, за все твои хлопоты и заботы. У тебя хорошее сердце. Тебе нужно идти к людям. В пустыне ты погубишь свое сердце. Пустыня сделает тебя нелюдимым и неласковым. Не оставайся надолго в пустыне. Уходи к людям. Пастухом может быть всякий человек. Это не трудное дело. Такие, как ты, должны работать для людей.

Ульмас вспомнил о словах Турсуна, о том, что пастухи могут учиться, но сейчас он не хотел об этом говорить. У него было одно желание — чтобы поскорее выздоровел Бурибай.

Овцы лежали. От теплоты тела лед под ними таял. В оттаявших островках овцы искали какого-нибудь корма. Когда одной удавалось найти сухой стебель, другие бросались к ней, чтобы вырвать находку. Ишаки скрипучим ревом оглашали пустыню. На востоке занималась заря, не

предвещавшая тепла. К утру старик задремал. Ульмас отошел от него и стал осматривать стадо. Молодые овцы протягивали к Ульмасу морды, прося корма. Первые солнечные лучи рассыпались яркими искрами по льду. Ишаки, глядя на восток, дико заревели и разбудили Бурибая.

— В путь! — сказал он. — Ульмас, поднимай овец и покорми лепешками ишаков и собак.

— Может быть, я поеду позади? — спросил подпасок.

— Нет, ты займешь мое место. Я не могу сидеть прямо на ишаке, у меня нет сил его погонять. Если я поеду впереди, он все время будет останавливаться, а нам нельзя медлить.

— Я не знаю, по какому направлению идти, — сказал Ульмас.

— Гляди все время в ту сторону, где стелется голубой туман. Это виднеются далекие горы. В горах мы найдем спасение от джута так же, как находили от горячего бурана. Но эти горы далеко. Отсюда видна только тонкая сизая полоска.

— А если будут падать овцы, что тогда мы будем делать?

— Овцы протерпят еще два дня. За два дня мы достигнем цели. Привяжи меня, Ульмас, к ишаку. Я боюсь, что без привязи я упаду от слабости. Ночью ты меня обрадовал своим добрым сердцем. Теперь я знаю, что не умру.

Ульмасу было страшно; и в то же время он чуть-чуть радовался чему-то. Страшно ему было за овец.

«А почему вместе со страхом притаилась радость?» — спрашивал он сам себя.

Ему не хотелось отвечать на такой вопрос. Без ответа было понятно, чему он рад. Бурибай не умрет — вот что радовало Ульмаса. Бурибай надеется на него — разве это не радость для молодого подпаска? Ульмасу доверено большое стадо, он ведет его к спасению — какое сердце не сбродуется от этого? Но к радости все время приставала тревога. А вдруг ледяная корка продержится больше недели и погибнут все овцы? Вдруг болезнь Бурибая усилится? Что тогда?

«Я совсем глупый! Нельзя сейчас думать о радости! Вон уж солнце взошло высоко, но холодный ветер сильнее солнечных лучей, он не дает им растопить ледяной панцырь. Овцы идут голодные. Бесчисленные копыта печальной музыкой звенят по зеркальной поверхности».

Новые приливы тоски заполнили сердце Ульмаса. Порою он думал, что это ледяное царство никогда не кончится. Глядя на голубую полосу вдали, он ругал людей за то, что они отдают себя во власть пустыни. Разве нельзя на трудные голодные месяцы заранее запастись кормов? Разве нельзя на время холодов держать овец поближе к жилищам? Почему для всех животных есть

сарай или навесы, и только овцы круглый год бродят под открытым небом? Хозяин заботится только о том, чтоб собрать шерсть и зарезать весною маленьких ягнят. Знает ли хозяин о трудностях пастушеской жизни? Нет, он ничего не знает о ней. Он требует от пастуха сохранения стада в целостности. А что переживает пастух в летние метели и в зимнюю гололедицу, этим не интересуется хозяин!

Часы тянулись за часами, тягучие, бесконечные. Солнце как будто смеялось над голодным стадом и несчастными пастухами. Голубая полоска не приближалась.

«Где теперь Ахмет и Турсун? Где Милик и другие пастухи? Что делает Туякбай? Его верблюдов теперь наверно отдыхает. Тимур с братьями теперь сидит в теплой комнате. Они едят плов и пьют горячий чай. Сестра Турсуна глядит на безлюдную тропинку и проклинает пустыню. Мой отец, моя мать и мои братья думают, что я на границе теплого Афганистана. А я еду на ишаке. Я веду стадо. Мое сердце дрожит. Мне хочется тепла. Я хочу бежать из пустыни!»

К вечеру подул теплый ветер.

ГЛАВА 6. ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Ледяная корка продержалась недолго. Бурибай выздоровел. Запахло весною. В один из теплых дней от снежного покрова пустыни ничего не осталось.

— К началу марта мы должны вернуться к месту осенней стоянки, — сказал старик. Он снова шел впереди стада. Пустыня с утра до вечера звенела песнями жаворонков. Приближалась пора ягнения овец. К этому времени все хозяева съезжались к своим стадам.

«Какие неожиданные перемены, — удивлялся Ульмас: — несколько дней назад было холодно, а теперь солнце светит по-летнему, из песка тянутся свежие стебли трав, зацветают маки, тюльпаны, ирись».

Собаки радостно виляли хвостами. Овцы быстро поправлялись от голодовки. Над пустыней каждый день пролетали стаи птиц.

— Торопятся на север, на родину, — говорил Бурибай, — каждую тварь тянет своя родина.

По утрам, когда цветы раскрывали свои венчики, Ульмас бегал словно молодой ягненок.

— Бурибай, смотри на север и на юг, на восток и на запад — везде цветочный океан. Желтые и красные тюльпаны переливаются, словно атласная подкладка Тимурова халата. Лиловые ирисы пахнут так хорошо. Бурибай, я вижу первую весну в пустыне. Сколько времени будет она продолжаться?

— Искры цветов погаснут так же быстро, как быстро зажглись.

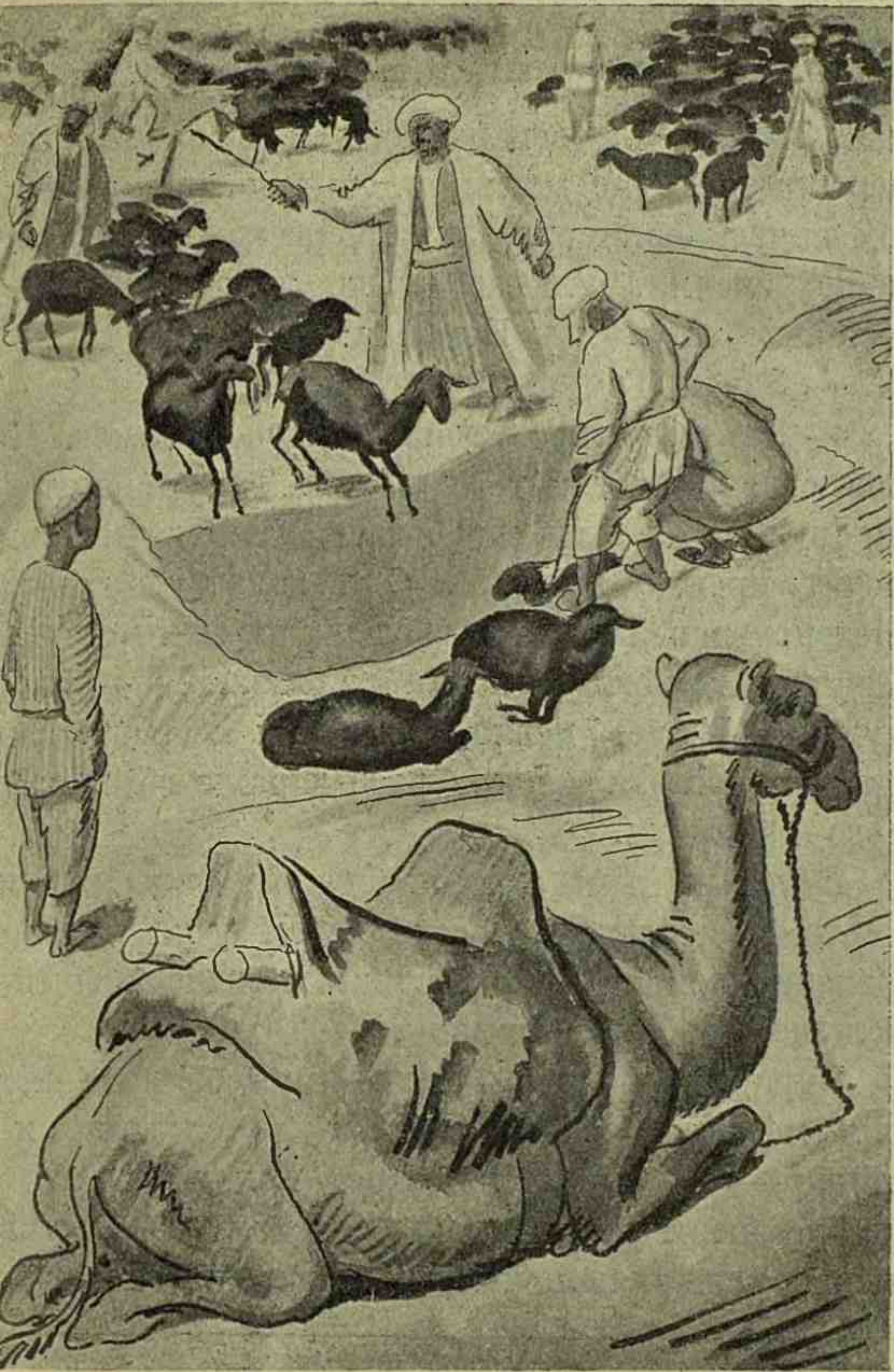
— Я не буду пить и есть, я буду все время смотреть на цветы. Бурибай, мы заждались праз-

дника. Мы вытерпели много горя. Ты вытерпел больше меня. Ты всю жизнь провел в пустыне, а я только один год. В одном году немного дней. Но они тянулись очень долго, пугая все новыми страхами. А теперь кончились страхи. Бурибай, почему ты ничего не говоришь о цветах? Разве они не нравятся тебе?

— Мне шестьдесят три года, поэтому я не прыгаю, как ты, и не трещу языком, как жаворонок. Ты видишь это чудо в первый раз. Прыгай, славный Ульмас. Может быть, ты больше никогда не увидишь этого пестрого ковра, сотканного в несколько дней мастерицей-весной. Но все же нам нужно торопиться к загону у колодца. Смотри, как раздулись животы у овец. Скоро они будут дарить хозяина дорогими детьми.

Ульмас размотал на голове чалму и ходил в одной тибетейке. Он украсил ее цветами. Он предлагал сделать то же самое и Бурибаю. Старик не снял чалмы, но с правой стороны над ухом прикрепил два цветка — красный и желтый тюльпаны.

Через два дня они были у своего загона. Снова шагал назад и вперед верблюдов Туякбая. По пустыне шли украшенные цветами караваны. Приехал Тимур с братьями и привез целый мешок соли. Осмотрев стадо, он сказал: «Скоро». Но ему хотелось иметь побольше каракульчи. Он велел Бурибаю углубить широкую канаву в загоне.

Когда канава была готова, Тимур отделил от стада пятьдесят овец и погнал их к канаве. Овцы боялись прыгать, потому что канава была широкая. Тимур бил овец палкой. Овцы прыгали, но перепрыгнуть не могли, а срывались в канаву. Их вытаскивали оттуда на веревках. Овцы жалобно блеяли. Ульмасу было жалко овец. Он тихонько спросил у Бурибая:

— Зачем Тимур мучает овец?

— Затем, чтобы больше получить денег. Человек не бывает сыт деньгами. Тимур богатый, но ему хочется быть еще богаче. Ушибленная овца родит прежде времени. Она делает выкидыш. Недоношенный ягненок выходит на свет мертвым. Шкурка такого ягненка называется — каракульча. У нее нежный завиток шерсти. Она продается в два и в три раза дороже обыкновенного каракуля.

В тот же день все ушибленные овцы родили мертвых ягнят. У шести овец были двойни. Каждая двойня радуется хозяина. Больше двойней — больше прибыли карману.

Бурибай ободрал ягнят. Тимур обильно посолил мездру* каждой шкурки и сложил их в стопку — мездрой к мездре. Головы, ноги и кишки ягнят были отданы собакам. Посоленные тушки хозяин положил на песчаный вал загона.

---

* Мездра — внутренняя сторона шкурки.

Вяленое мясо он собирался продать на базаре в Бухаре.

На следующий день все ушибленные овцы лежали. Их не гоняли на водопой. В конце марта началось ягнение. Один раз, после заката солнца, когда взошла полная луна, больше тридцати овец, тяжело дыша, легли на песок. Тимур велел Бурибаю поднять их и согнать в одно место. Овцы не хотели подниматься. В такие минуты овцам трудно стоять на ногах. Но хозяин заботился о том, чтобы все роженицы были в одном месте.

Когда собиравшихся ягниться овец согнали в середину загона, их окружили остальными овцами. Собак поставили с четырех сторон стада. От луны было светло, как днем. Роженицы блеяли. Недалеко от загона кричал филин. Но вот начались роды. Матери облизывали родившихся. Тимур беспокоился, что овечьи языки испортят завитки смушков*. Ягнята через несколько минут после рождения тянулись к материнским соскам.

— Сур, сур, золотой сур! — закричали братья Тимура.

Тимур подошел к овце, которая родила золотистого ягненка.

— При луне нельзя узнать, каков его цвет, но завиток красивый, — сказал хозяин.

---

* Смушки — шкурки.

У четырех овец были двойни. У пяти овец родились серые ягнята — ширази. Но больше всего, как всегда, было черных ягнят — араби. Хозяева и пастухи не спали всю ночь. При свете утренней зари братья стали разглядывать рыжего ягненка. Его шерсть отливала чистым золотом, у него были завитки крупными горошинками.

— Сколько за него дадут? — задумчиво спросил Тимур.

— Не меньше тысячи рублей, — сказали братья.

— Я буду за эту шкурку просить полторы тысячи. Я продам ее английским купцам. А англичане не жалеют денег за такую редкость.

Утром выяснилось, что из всех родившихся за ночь ягнят было одиннадцать ярочек и двадцать три баранчика. Из ярочек одна была очень слабая и с маленькими ушами. Нужно было решить, каких ягнят резать, каких оставить на племя и когда резать — сегодня или через три дня.

Братья Тимура предлагали резать ягнят в тот же день. Тимур думал, что лучше подождать два или три дня. Бурибай сообщил хозяевам, что один овцевод в прошлом году резал ягнят на пятый день после рождения. За пять дней ягнята подросли. Крупные смушки всегда продаются на несколько рублей дороже.

— Нет, нет, мы не будем оставлять ягнят живыми пять дней. За пять дней могут испортиться завитки.

— Я перевидал на своем веку много тысяч ягнят, — сказал Бурибай. — По-моему, завиток начинает развиваться только на восьмой день.

— Давайте в этом году резать ягнят через два дня после рождения, — предложил Тимур.

С желанием хозяина все согласились. Из родившихся в первую ночь решили оставить на племя одного баранчика, а из ярочек зарезать только одну, у которой были очень маленькие уши. Такие овцы считаются некрасивыми, на племя их никогда не оставляют.

На следующую ночь обьягнилось восемнадцать овец, на третью — двадцать четыре. Ягнение растянулось на целый месяц. Почти всех баранчиков и слабых ярочек через два дня резали. Смушки засаливались и складывались в стопки. Оставленные ягнята питались молоком матерей. Но уже с первых дней они начинали есть травяной корм. Сейчас трава была мягкая и сочная. Овец, у которых были зарезаны ягнята, Бурибай доил в кожаное ведро. Молоко это пили хозяева, Бурибай и Ульмас. Но молока было много. Его сливали в кожаный мешок. В мешке оно закисало. Из молока получался творог. Его просаливали, чтобы он не портился. Собаки растолстели, потому что каждый день питались киш-

ками. По всему валу было разложено мясо. Пастухи у колодца теперь говорили только о том, сколько и в каком стаде родилось двойней, кого больше родилось — баранчиков или ярочек, сколько каждый хозяин заготовил смушек и каких смушек — араби или ширази. Золотистого сура было очень мало: в нескольких стадах всего только семь штук.

Никто не забывал о могиле разбойников.

— Если бы они выполнили задуманное злодейство, мы теперь не собрались бы у колодца!

В половине апреля в пустыне не осталось красных, желтых и лиловых цветов. Мелкими прозрачно-розовыми цветочками цвела колючка. По утрам лучи солнца пронизывали насквозь розовые кустики, под которыми прятались серые, желтые и зеленоватые ящерицы. Один раз Милик принес к колодцу убитого степного удава.

— Утром я пошел по своему загону, — рассказывал Милик, — гляжу — песок движется волнами, а никого не видно. Я снял с пояса нож и воткнул в живой песок. Удав хотел задушить ягненка, но попал под острие ножа.

— Брось его собакам. Зачем ты его сюда принес? — сказал Ульмас.

Последние недели Ульмас был невеселым. Ему не нравились ежедневные убийства молодых ягнят. Он видел, как дрожали руки у Тимура,

когда хозяин складывал в стопки посоленные смушки. Бурибай сказал Ульмасу, что каждую весну Тимур продает на пять тысяч рублей каракуля. Кроме этого, он получает много денег за шерсть и за вяленое мясо.

«Нет, я не могу быть пастухом,— думал Ульмас.— Когда хозяин поедет в Бухару, я попрошу, чтобы он взял меня с собой. Мне жалко Бурибая, но он сам говорит, что мне не нужно оставаться в пустыне. Я скажу Тимуру, что буду помогать ему в Бухаре. Бурибай похлопочет за меня. К тому времени, как начнется весенняя стрижка, я, может быть, вернусь в пустыню, чтобы повидаться с Бурибаем. Но как упросить хозяина?»

Один раз ночью Ульмас спросил у Бурибая, когда думает уезжать хозяин.

— Ягнение кончилось, баранчики зарезаны, все сделано, дня через два хозяева поедут в Бухару. Они погонят с собой всех овец, у которых зарезаны ягнята. До половины лета их будут пасти возле деревни.

— Зачем их хотят угнать из пустыни?

— Их нужно доить. С молоком много канители. Все это хорошо делать дома, а не в пустыне. Тимур пошлет братьев в деревню, а сам, не заезжая домой, отправится в Бухару. Почему ты спрашиваешь меня об отъезде хозяина?

Ульмас замолчал. Он стеснялся высказать свое желание. Бурибай понял Ульмаса.

— Ну, что ж, поезжай, — сказал старик, — хозяин не откажется взять тебя с собою. Ты нравишься ему за расторопность, сметливость и терпение. Завтра я скажу ему об этом.

— Спасибо, Бурибай. Я всегда буду о тебе вспоминать! Я обязательно приеду к тебе в гости!

Ульмас уезжал на восходе солнца. Тимур с братьями ухали на верблюдах, нагруженных смушками. За верблюдами шли бездетные овцы. За стадом ехал на ишаке Ульмас. Бурибай долго стоял на одном месте и смотрел на удалявшихся. Ульмас плакал в первый раз за целый год жизни в пустыне. Ему хотелось оглянуться, но он боялся, что разрыдается и рассердит Тимура. Он так и не оглянулся. Его грудь изнемогала от тоски, словно сердце Ульмаса жалили мохнатые тарантулы.

ГЛАВА 7. НЕВИДАННЫЕ ДИКОВИНЫ

На третий день вечером Тимур с Ульмасом подъезжали к Бухаре. Еще издали чуткое ухо Ульмаса уловило музыку, гремевшую в центре города. Был четверг.

— В честь какого события поют флейты? — спросил Ульмас у хозяина.

— Завтра праздник — пятница *. Под праздник всегда в Бухаре большие гулянья. Мы остановимся в чайхане, отдохнем, закусим, а завтра

---

* На Востоке вместо воскресенья празднуется пятница.

примемся за работу. Может быть; и сегодня найдется покупатель. Теперь дни каракульской горячки. Золотого сура я не отдам дешевле полуторы тысячи рублей.

Ульмас ехал на верблюде. Когда Тимур прощался с братьями, он предложил младшему брату уступить верблюда Ульмасу:

— Стыдно, когда продавец каракуля ведет за собой ишака. Такому продавцу будут давать вдвое меньшую цену за смушки.

Тимур и Ульмас ехали по узкой улице. Пассажирские автобусы предупреждали их властным рычаньем и двумя полосами света. Всадники прижимались к стене, пропуская машины.

— Мчатся никем не запряженные, — удивился вслух Ульмас.

— Они запряжены бензином, — сказал Тимур, но это было непонятно Ульмасу. Нарядные извозчики везли в красивых пролетках пассажиров с вокзала. Сбруи лошадей были унижены бенцами.

— Видишь; — спрашивал Тимур, — едут почти одни европейцы? Теперь в Бухаре много иностранцев. Они слетаются, как орлы за добычей. Они будут ее вырывать друг у друга из когтей и клювов.

На площади Ульмаса ослепил яркий свет электрических фонарей, оглушила ни на минуту не умолкавшая музыка.

Тимур остановился в чайхане, возле большого водоема, который называется Либи-хаузом. Положив мешки с каракулем возле Ульмаса, он попросил своего знакомого, сидевшего в чайхане, отвести верблюдов на постоянный двор и дать им корма. Ульмас не чувствовал под собой ног. С раскрытым ртом он глядел по сторонам, опьяненный невиданным зрелищем. С четырех сторон водоема, выложенного изнутри серым камнем, росли громадные тутовые деревья. На вершине одного дерева было широкое гнездо аиста. Из гнезда высовывали головы птенцы. Аист-мать сидела в гнезде, а отец часто подлетал к ступенькам водоема и ловил рыбу. На площади было много гуляющих. Ульмас обрадовался, что видит женщин с открытыми лицами.

— В последние два года почти все женщины Бухары сняли чачваны * с лица, — сказал Тимур. Он сидел в чайхане и пил чай. Он говорил Ульмасу: — Пей, разве тебе не хочется пить?

— Не хочется, — сказал Ульмас, — я пойду к гнезду аиста, я брошу ему половину лепешки.

В толпе гуляющих Ульмас увидел Турсуна. Он подбежал к приятелю.

— Здравствуй, Турсун.

— Здравствуй, Ульмас. Каким ветром занесло тебя в Бухару?

---

* Сетки из конского волоса, которыми закрываются восточные женщины.

— Я приехал с хозяином. А ты?

— Я тоже.

— Я рад, что встретил тебя. Ты первый раз в Бухаре?

— Нет, я знаю ее вдоль и поперек.

— Это еще лучше. Ты покажешь мне все бухарские диковины, а потом... Ты помнишь, о чем говорил мне в пустыне, когда мы встретились с тобою в горах?

— Мы говорили о многом.

— Ты забыл, Турсун. Ты говорил мне, что пастухи могут учиться!

— Помню. В Бухаре как раз есть институт просвещения. Тебя могут принять в подготовительную группу.

— Ты смеешься, Турсун?

— Я говорю серьезно, Ульмас. Давай подойдем поближе к хаузу. Смотри, какой смелый аист. Столько людей, а он ничего не боится. Говорят, этому гнезду не менее пятидесяти лет, а толстым деревьям — каждому по пятисот.

— По пятисот лет этим деревьям?

— Да.

Одна девушка бросила аисту кусочек хлеба. Аист подхватил его на лету. Толпа гуляющих была от этого в восторге.

— Здесь, наверное, очень любят аистов? — спросил Ульмас.

— Да. За убийство аиста убивший подвергается денежному штрафу в пятьдесят рублей. Такого человека никто не примет в гости. А если он пойдет по улице, на него будут показывать пальцем и кричать вслед: «Смотрите, смотрите, вон идет человек, который убил аиста!»

В чайханах не затихала музыка и пение. В одной на отдельном возвышении сидели четыре музыканта. У каждого был свой инструмент: скрипка, цимбал, дутор и флейта. В соседней чайхане пели три певца. У одного из певцов был в руках бубен, а у двух других — большие медные подносы. Они держали их против груди и слегка ударяли пальцами в середину. Под эту музыку артисты пели старинные песни. Множество гостей сидело на коврах. Гости пили горьковатый зеленый чай, без сахара *, грызли фисташки, курили кальян, сосали леденцы. В ветвях деревьев горели разноцветные электрические лампочки. В красной чайхане по стенам были развешены плакаты, поставлены столы и стулья, из угла в угол протянуты гирлянды с цветными флажками. За столиками сидели парни и девушки, некоторые играли в шашки и шахматы, другие читали газеты и журналы, или слушали музыку громкоговорителя.

— У меня кружится голова, — сказал Ульмас.

---

* На Востоке чай пьют без сахара.

— Тогда давай присядем, — предложил Турсун.

— Нет, нет, я хочу посмотреть, я еще многого не видел. Давай купим фисташек. У меня есть деньги. Помнишь фисташки твоей матери? Здорова ли она? Как поживает твоя сестра? Ты не заезжал к ним?

— По дороге в Бухару я забежал к ним всего на один час. На обратном пути я погощу у них с вечера до утра. Сестра моя носит чачван, а я говорю ей, чтобы она его сняла. Видишь, сколько здесь девушек и все с открытыми лицами. Моя сестра похожа вон на ту, у которой на плечах голубой газовый шарф. Сестру зовут Альмагуль.

— Мне хочется ее повидать, — сказал Ульмас.

— Может быть, когда-нибудь увидишь.

Какой-то мальчик подошел к хаузу и хотел напиться.

— Не пей из этого хауза. В этом хаузе зараженная вода. Хауз не чистили двадцать пять лет, и в нем развелась ришта, — сказал продавец цветов.

— Почему он его пугает риштой? Разве это страшная штука? — спросил Ульмас у Турсуна.

— На вид она совсем не страшная, потому что глазом ее не увидишь. Она очень маленькая, она тоньше волоска. А если напьешься воды с риштой, то внутри тела она разрастается длиной в несколько километров. Она прокалывает тело, и от

этого бывает боль сильнее, чем от укуса скорпиона.

— А как можно от нее избавиться?

— Ее можно вытянуть из тела, но не сразу, а в несколько приемов.

— Почему же не чистят хауз?

— Его хотят чистить. Воду выкачают насосами, рыбу пустят в другие хаузы, а когда ил на дне высохнет, его выскребут и напустят чистой воды.

— Откуда ты все это знаешь?

— Мне сказывал об этом один человек из союза пастухов. Тебе обязательно нужно записаться в союз и получить билет. Завтра я доведу тебя до дома, где помещаются все союзы.

— Пойдем вон туда, там много народа. Все почему-то торопятся к тому месту.

Подойдя к чайхане, приятели увидели много клеток с перепелами.

— Спать пора! Спать пора! — напоминали птички гостям, но они и не думали расходиться.

— Открывается состязание перепелов, — объявил хозяин чайханы, — будут биться два перепела — Юркий и Забияка. Первый принадлежит Саид-Султану, второй — Сайфеддину.

Каждый из толпы старался пробраться вперед. Обладатели перепелов уселись на высоком помосте и поставили перед собою пестрые круглые клетки. На другом ковре хозяин чайханы поставил два подноса.

— Зачем он ставит подносы? — спросил Ульмас у своего приятеля.

— На эти подносы будут класть деньги.

— Кто?

— Кто хочет выиграть.

— Я не понимаю, как тут можно выиграть или проиграть.

— А вот сейчас увидишь.

Перепела были вынуты из клеток. У Сайфеддинова перепела крылья были покрашены синей краской, у Саид-Султанова — зеленой. Птички боязливо оглянулись по сторонам.

— Они не хотят драться, — сказал Ульмас.

— Сейчас их рассердят. Видишь, по их головам ударяют тонкими молоточками. Они уже приближаются друг к другу, но в драку вступать не решаются. Вот еще удары молоточками. Сейчас они бросятся друг на друга.

Началось сражение. Синий клюнул в грудь зеленого. Зеленый пригнул голову, разбежался и ударил синего. В толпе зашумели:

— Кладу пять рублей за зеленого!

— А я десять за синего!

— Синий проиграет! У зеленого крепче клюв и острее когти!

— Турсун, пойдём отсюда. Мне не нравится это представление.

И приятели ушли. А народ все сбегался к месту состязания. Турсун повел Ульмаса в кино.

Когда свет в кино погас и на экране показался поезд, Ульмас, спрятавшись за спину Турсуна, прошептал:

— Он задавит нас.

— Так кажется. Смотри, поезда уже нет. Видишь, какой красивый город. Это Москва.

— У меня кружится голова, Турсун, я сейчас упаду. Она кружится так, как кружилась в пустыне, когда я держал на ишаке баранчика. Я не могу смотреть туда, у меня слезятся глаза.

— После пустыни тебя ошеломил город. И ты устал. Пойдем, если тебе плохо.

Выйдя на площадь, приятели узнали, что победил синекрылый перепел. На каждый поднос было наложено по сту рублей. После сражения все деньги были сложены в одну кучу, и тот, кто клал за синего, получил в два раза больше той суммы, какую клал, а кто был уверен в победе зеленого, остался в проигрыше. Нашлись охотники, которые предлагали Сайфеддину продать перепела за пятьсот рублей, но он просил тысячу.

В шашлычной Ульмас и Турсун заказали шашлык и лепешки. Ульмаса клонило ко сну.

— До завтра, — сказал он, когда они снова вышли на улицу.

— Мой хозяин остановился вон в той чайхане, — показал Турсун.

Музыка все не умолкала, но гуляющих было уже меньше.

— Я позабыл, куда мне нужно итти, — испугался Ульмас.

Турсун проводил его до чайханы, где сидел Тимур и все время пил чай. Возле него сидели три европейца. Тимур показывал им золотистого сура. Европейцы давали ему тысячу четырехста рублей, а он просил тысячу шестьсот. В конце концов срядились за полторы тысячи.

— Ну, Ульмас, нагляделся? — спросил Тимур и похлопал подпасака по спине.

— Голова кружится, — сказал Ульмас.

Тимур засмеялся.

— Кружится? Ничего; перестанет кружиться. Садись пить чай.

На другой день Тимур очень быстро продал все шкурки. Турсун пришел за Ульмасом. В этот день они были в союзе пастухов и долго бродили по базару. В три часа дня поливальщики улиц устремились к хаузам. Там они наливали в бурдюки из козловой кожи воды и шли поливать улицы. Ульмас узнал от поливальщиков, что наполненный бурдюк имеет сто кило веса. Он похож на раздувшуюся опаленную тушу с отрезанной головой. Вода в бурдюк наливается кожаными черпаком — дюльчей. Поливальщик несет бурдюк на спине и, когда нужно, разжимает горло бурдюка. Вода порывисто выливается на узкую улицу, переполненную народом. Поливальщик все время кричит:

— Пошт! Пошт! (берегись!).

Ульмаса очень удивило, что в Бухаре очень много мечетей и минаретов, но ни с одного минарета он не слышал призывов на молитву.

— Многие мечети заброшены совсем, — сказал Турсун, — а в некоторых помещаются разные конторы. В красивой мечети на ригистане — клуб и читальня.

Приятель взобрался на минарет смерти, с которого в прежнее время бросали преступников. С него хорошо видно всю Бухару: минареты и купола мечетей, сероватые плоские крыши, сады в окрестностях. В другую сторону от минарета — европейские здания: народный дом, типография, электрическая станция, институт просвещения...

— Пойдем со мной в институт, — попросил Ульмас.

Но когда они подошли к дверям института, Ульмас хотел бежать обратно.

— Не бойся, — подбадривал его Турсун. — Расскажи, что тебе хочется учиться и что ты пастих. На тебя не будут кричать. Тебя выслушают и что-нибудь посоветуют.

В канцелярии сидело два человека.

— Нам нужно директора, — сказал Турсун.

— Я — директор, — сказал молодой красивый узбек, одетый по-европейски. — Что вам нужно?

Ульмас задыхался от волнения. Турсун толкал его в бок и шептал: «Говори, говори». Но слова не приходили Ульмасу на язык

— Ну, что же, говорите что-нибудь.

Другой человек, сидевший в канцелярии, наклонился к уху директора и сказал:

— Мальчик волнуется, смотрите, как у него дрожат колени.

Тогда директор подошел к Ульмасу и дружески похлопал его по плечу.

— Какой ты загорелый! — сказал он. — Ты наверно все время проводишь на воздухе?

— Я жил в пустыне, — начал прерывающимся голосом Ульмас. — Турсун говорит, что вы принимаете в школу... Я учился четыре года... Я был пастухом. Я хочу учиться... У меня маленькие братья, а я самый старший... Меня не засыпал горячий ураган... Я вел стадо, а Бурибай ехал позади, потому что он захворал. Мне хочется узнать про другие страны... Бурибай говорит: «Пустыня погубит твое сердце, а ученье не погубит». Я не буду лениться. Мы ходили с Турсуном в союз пастухов. Мне дадут пастушеский билет. Бухара очень большая... Вы примете меня в школу?..

— Мы примем тебя в школу. Приезжай осенью, — сказал директор, растроганный сбивчивой просьбой Ульмаса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ульмасу дали стипендию. Он живет в общезжитии. Перед сном он рассказывает товарищам о пустыне. Они слушают его и говорят:

— Ты знаешь очень много. Ты хорошо умеешь рассказывать.

Однажды, во время урока, Ульмас слышит блеянье овец. Он забывает, что сидит в классе, и подбегает к окну.

— Ульмас, почему ты не слушаешь того, что я говорю? Зачем ты побежал к окну? — спрашивает учитель.

— Простите, — говорит Ульмас, — я думал, это Бурибай гонит овец.

Через три года, весной, Ульмас затосковал о старике. Он уговаривает товарища Юсуфа поехать в пустыню. Они отправляются на верблюдах Юсуфова отца. В пустыне цветут маки, ирисы и тюльпаны.

— Я люблю тебя, пустыня! Вот видишь, я приехал к тебе.

У первого встречного пастуха Ульмас спрашивает о Бурибае.

— Говорят, что он умер, — отвечает пастух.

— Не может быть! Поторопимся, Юсуф!

Из-под ног верблюдов выскакивают ящерицы. Жаворонки поют о синеве весеннего неба.

— Неужели умер Бурибай?

Второй пастух говорит:

— Были слухи о смерти Бурибая. Потом другие слова разнеслись по пустыне...

— Какие слова?

— Что Бурибай жив.

— Поторопимся к Бурибаю. У него нет ни жены ни детей. Меня он называл нечаянным сыном.

Третий пастух говорит:

— Я видел Бурибая три дня тому назад.

А вот и колодец Туякбая и все тот же верблюды без-устали таскает воду. Пастухи стоят у колодца и глядят на приближающихся всадников.

— Саламат буль (будьте здоровы), труженники пустыни! — говорит Ульмас.

— Саламат буль, незнакомые странники! — отвечают пастухи.

— Вы не узнали меня? Бурибай! Ты все такой же, а я вырос. Разве трудно меня узнать?

— Трудно, — говорит старик и крепится, чтобы не заплакать. В шестьдесят шесть лет он не уронил ни одной слезы. Что скажут о нем пастухи, если он заплачет от радости?

А потом три дня разговора Бурибая и Ульмаса. Больше говорит Ульмас. Бурибай больше слушает. А через три дня прощание навсегда. Бурибай твердо решает:

— Я умру в пустыне. Город не для меня. Отдых не для меня.

На прощанье Бурибай украшает чалму Ульмаса красными цветами; а Ульмас говорит:

— Может быть, я позабуду многое, что встретится мне в жизни, но я всегда буду помнить Бурибая, пустыню и весенние атласные искры цветов!

Всадники удаляются. Звон бубенцов на верблюдах затихает. Бурибай смотрит на чалму Ульмаса. По лицу Бурибая катится первая скупая слеза. Возле Бурибая лежат сторожевые псы.

— Прощай, великая пустыня!

ЭТО БЫЛО в старое время в Туркестане, во владениях эмира бухарского.

Месяц сентябрь подходил к концу. Дехкане (крестьяне) заканчивали молотьбу пшеницы. В каждом кишлаке (деревне) за дворами возвышались кучи обмолоченного хлеба — хырмоны.

У дехканина Даньяра была самая маленькая куча. Его гумно было в конце кишлака. Он ходил возле хырмона и думал о том, что ему не хватит хлеба до нового урожая.

У него было три сына — Джуманияз, Искандер и Омар — и жена Халима.

До женитьбы пятнадцать лет он жил батраком у богатого бая. Женившись на любимой девушке, он построил себе хауле (избу) и двор. Вместе с женой они занялись хозяйством.

В первый год, выпросив весною денег у богатого соседа, они посеяли хлопок. Но лето было холодное, снег в горах не таял, реки обмелели, все каналы пересохли, поливать хлопок — не было воды. Посев пропал, расплачиваться с соседом было нечем, — пришлось снова поступить в батраки.

Когда подросли сыновья, отцу с матерью стало легче. Старшего Джуманияза несколько лет подряд отдавали в подпаски. Почти круглый год он жил вместе с овцами в пустыне, среди колючей травы и ящериц. Ночами в пустыне были шакалы. Сторожевые псы охраняли громадное стадо каракульских овец.

Искандер был отдан в ученики гончарному мастеру. Несколько раз он убегал от него к отцу, жалуясь на тяжелую работу, но отец, глядя мальчика по голове, говорил:

— Терпи. Будешь терпеть, живым останешься. Не захочешь терпеть — с голоду умрешь.

Мать жалела своего худенького черноглазого Искандера, но ее слез никто не видел, потому что по восточному обычаю даже перед своими сыновьями мать должна была закрывать свое лицо жесткой сеткой из конского волоса. Работа для мальчика была действительно трудной: хозяин будил его вместе с восходом солнца, заставлял таскать большими ведрами воду из арыков (каналов), потом месить ногами глину и топить печи. Работы было много, а кормил хозяин своего ученика плохо: два раза в день зеленый чай и две пресных лепешки в сутки.

Тонкие ноги Искандера с трудом выбирались из глиняной массы, пот и слезы крупными каплями падали на глиняное месиво. Один раз в пятку вонзилась большая деревянная колючка.

Искандер, вскрикнув от боли, упал. Хозяин, думая, что его ученик притворяется, приказал ему продолжать работу, но мальчик, вздрагивая всем телом, лежал на глине и не мог подняться. Потом колючку из ноги вытащил, но не всю, в пятке остался кончик: пятка стала нарываться и разбалчиваться. Хозяин сообщил отцу, чтобы он взял своего сына. Отец боялся, что сын сделается калекой. Пролежав больным целый месяц, Искандер снова вернулся к гончарному мастеру. Много перенес горя ученик за годы ученья. После четырех лет хозяин назначил ему маленькое жалованье.

Самый младший, Омар, помогал отцу оккупывать небольшой виноградник, чинить дувалы (заборы), ездил вместе с отцом на ишаке по базарам.

В ту осень, когда Даньяр с беспокойством глядел на маленький хырмон, Искандер ушел на заработки в Афганистан. Пастух Джуманияз получил от хозяина втрое меньшую плату, чем в прежние годы, потому что в последнюю зиму гололедица погубила больше половины стада.

«Найдет ли Искандер работу в Афганистане? Когда он вернется с деньгами домой? Сколько придется заплатить податей эмиру? Холодная ли будет зима?» — такие мысли беспокоили бедного дежканина, когда в кишлак на белом красивом жеребце прискакал дорга — помощник уезд-

ного управителя — амлякдара. Дехкане выбежали на улицу, чтобы приветствовать начальника. Они прикладывали правую руку к сердцу и кланялись.

Доргу звали Пулатом. Он был одет в полосатый шелковый халат, голова была замотана белой чалмой. В конце кишлака он остановил белого коня. Дехкане помогли ему сойти на землю. Потом они привязали лошадь к тутовому дереву и дали ей травы люцерны. Размахивая плетью, Пулат направился к хырмону Даньяра. Халима, Омар и Даньяр почтительно поклонились Пулату. Недалеко от гумна по арыку бежала вода. Пулат спросил у Даньяра кетмень (мотыку), подошел к арыку и расковырял сырую землю. Потом он велел Даньяру поднести глиняные сырые пласты к хырмону. Там он своими руками стал раскладывать землю на хлебную кучу. Он положил на нее шесть кусков земли. Каждый кусок был величиной с тарелку. После этого он снял со своей шеи синий шелковый шнурок, на котором держалась круглая деревянная печать величиной с блюдечко. На печати были вырезаны изображения цветов и зверей. Пулат стал прикладывать печати к сырým пластам земли на хырмоне. Цветы и звери отпечатывались на земле так же, как буквы железной печати отпечатываются на сургуче. Приложив шесть печатей, Пулат сказал Даньяру:

— Через две недели в кишлак приедет амлякдар и осмотрит хырмоны. Не ломай печатей. Не бери из хырмона зерна. Возьмешь зерно из кучи, — получишь три раза по одиннадцать плетей по голой спине и останешься без хлеба.

Потом Пулат пошел по другим гумнам, чтоб проделать то же самое и предупредить дехкан, что их ждет, если печати на хырмонах поломаются.

К вечеру дорга закончил наложение печатей на хырмоны, поужинал у муллы (священника) и уехал из кишлака. Для жителей деревни наступила беспокойная пора. Каждый думал о том, чтобы не поломались печати. А если печати нечаянно сломаются, то хозяев ждут плети. Начальники не поверят, что печати поломались сами. Так объяснят начальники поломку печатей:

— Ты украл из хырмона зерно! Когда ты крал, куча развалилась, поэтому поломались печати!

И днем и ночью караулили дехкане опечатанные хырмоны. Нужно было следить, чтоб не набедокурили мыши, чтоб к куче не подошел ишак, не подбежали куры. Днем возле хырмонов сидели ребята, ночью кто-нибудь из старших.

На другой день после отъезда Пулата из кишлака Даньяр заболел малярией. Он лежал в избе и стонал от головной боли. Халима сидела

возле него и плакала. Она боялась, что муж умрет, а Искандер не вернется из Афганистана. На деньги, которые получил Джуманияз за пастушество, они не сумеют прожить целый год. Придется слабосильному Омару наняться в батраки к богатому баю. Несчастливая мать всем сердцем хотела уберечь своего последнего сына от хозяйских побоев и непосильной работы.

Омар, карауливший хырмон с утра до вечера, должен был и ночью сидеть возле хлебной кучи. Вечером мать принесла ему лепешку и винограда. Уходя, она сказала:

— Смотри лучше за хырмоном, отгоняй бродячих собак, следи, чтоб к хлебу не подбегали мыши. Они будут нырять в куче и столкнут печати со своего места. Тогда нас сочтут ворами! Тогда будут бить больного отца!

Омар сказал:

— Я не буду спать.

Он поднялся с земли и стал ходить вокруг хырмона. На ходу он ел виноград и лепешку.

После заката солнца заря быстро потухла, и показались звезды. В арыке тихо журчала вода. Над камышами возле арыка бесшумно мелькали летучие мыши. Скоро на востоке показалось огненное пятно. Это всходила луна. Недалеко от кишлака, на кладбище, завывали шакалы. Их завыванье было похоже на плач обиженного ребенка. Омар подумал о том, что шакалы разрывают

могилы, и ему стало страшно. Но он говорил сам себе: «Я ничего не боюсь. Я не буду спать. Я никому не дам разломать печати».

Поднимавшаяся луна освещала окрестности. От деревьев падали длинные тени. Когда в траве слышался какой-нибудь шорох, Омар, размахивая прутком, кричал:

— Пошт! Пошт!

В кишлаке на дехканских дворах изредка кричали ишаки и лаяли собаки. Омар устал ходить вокруг хырмона и присел на траву. Но не прошло и минуты после этого, как его голова начала кружиться и словно заволакиваться туманом. Омар испугался, что уснет, и снова поднялся с травы. Его ноги дрожали от усталости, голова становилась все тяжелее. Тогда он запел песню, которую перенял от отца:

Круглый месяц, ясный месяц,
у тебя глаза большие.

Часто ты глядишь на землю,
много видишь всяких всячин.

Расскажи мне, круглый месяц,
о такой стране счастливой,

где не знают люди горя
и от голода не плачут.

Что ж молчишь ты, ясный месяц?
Разве нет такого края?

Или твой язык небесный
отжевал осел ушастый?

Песня не помогла разогнать сон. Омар побежал к арыку и умылся. Вода освежила его, но не надолго. Глаза закрывались. Трава сблизняла прилечь. Со двора окликнула мать:

— Омар, ты не спишь?

— Не сплю! — крикнул Омар, еле сткрывая слипающиеся веки. Он все-таки решил на минутку прилечь.

«Я прилягу, а спать не буду!» — думал Омар.

Журчащая вода в арыке убаюкивала усталого мальчика.

— Я буду слушать, как журчит вода, и не усну, — сказал про себя Омар. — В т подул ветер, зашелестели камыши... Я слышу, как они шелестят... Я слышу воду. Она бежит, бежит — и днем и ночью, и о чем-то поет. О чем она поет? Я слышу ее песню, я понимаю ее. Она поет: «Я бегу в поле, чтоб напоить корешки хлопка, риса, кунжута и джугары».

Месяц опустился на землю, подошел к Омару, спрашивает у него:

— Хсчешь лететь в счастливую страну?

— Хсчу, — говорит Омар. И они улетают далеко-далеко, на берег широкой реки. Они опускаются в богатом кишлаке и видят нарядных людей. Мужчины поют песни, женщины сидят за стслами и едят плов, а дети пляшут под веселую музыку. Под тибетейками у детей красные

и белые розы. Дети зовут к себе Омара, они говорят ему: «Пляши вместе с нами... Мы всегда веселимся, потому что живем в счастливой стране». Омар спрашивает у них, можно ли привести сюда отца и мать, можно ли остаться в счастливой стране навсегда. Омару говорят: «Можно, можно, веди сюда скорее отца и мать». Омар просит месяц поскорее лететь к больному отцу. Месяц говорит: — Держись крепче за мою шею.

Но они летят слишком быстро. Голова у Омара начинает кружиться, в ушах у Омара странный звон, похожий на собачий лай, руки Омара отделяются от шеи месяца, и Омар падает на землю. От боли в левом плече мальчик просыпается. Возле него лежит камень. Неподалеку от хырмона неистово лают собаки, напавшие на прохожего человека. Человек отбивается от собак палками и камнями. Камни летят в разные стороны. Вст один падает на хырмон и разрушает земляную печать.

Омар вскочил, дрожа от испуга и боли в плече. Собаки почти перестали лаять. Шуршали камыши над арыками. Месяц строго глядел на Омара. Омар хотел бежать домой, чтоб сказать о несчастье отцу и матери. Он уже сделал несколько шагов от хырмона, потом остановился:

«Отец заснул, а я разбужу его... Отец снова будет стонать от боли. Я скажу о несчастье матери. Скажу, когда спрячутся звезды и месяц».

Глядя на разломанные куски печати, он вспомнил угрозы Пулата. — «Неужели будут бить больного отца? Я виновен в том, что не уберег печать от разрушения. Пусть меня секут три дня подряд, но не трогают старого больного человека?»

Потом Омар задумался над тем, почему из своего хырмона нельзя ничего взять до приезда амлякдара: — «Мы с отцом пахали землю, мы сеяли пшеницу, мы ее жали и молотили. Это наш хлеб... Пулат говорил, что сначала нужно заплатить налог эмиру, амлякдару, амлякдарскому писарю, амлякдарскому конюху, амлякдарскому хлебопекарю, сельскому старосте — амину, заплатить дорге — Пулату, мулле — священнику... Сначала уплатить налог, а потом думать о себе. Уплатить тем, кто не работал. Им уплатить, а самим итти в батраки. Кто установил такой порядок?»

Молчал месяц, молчали деревья, а шорох камышей и журчанье воды в арыке подзадоривали Омара на новые мысли и вопросы. Его больше не клонило ко сну. До восхода солнца он ходил вокруг хырмона. Рано утром к хырмону пришла мать и сказала, что отец задремал только перед зарею. Из-под сетки чачвана (покрышки для лица) Халима не сразу разглядела сломанную печать. Омар сам указал на расколотый кусок земли и сказал, что он в этом не виноват.

— Не говори отцу, а то он еще больше расхворается.

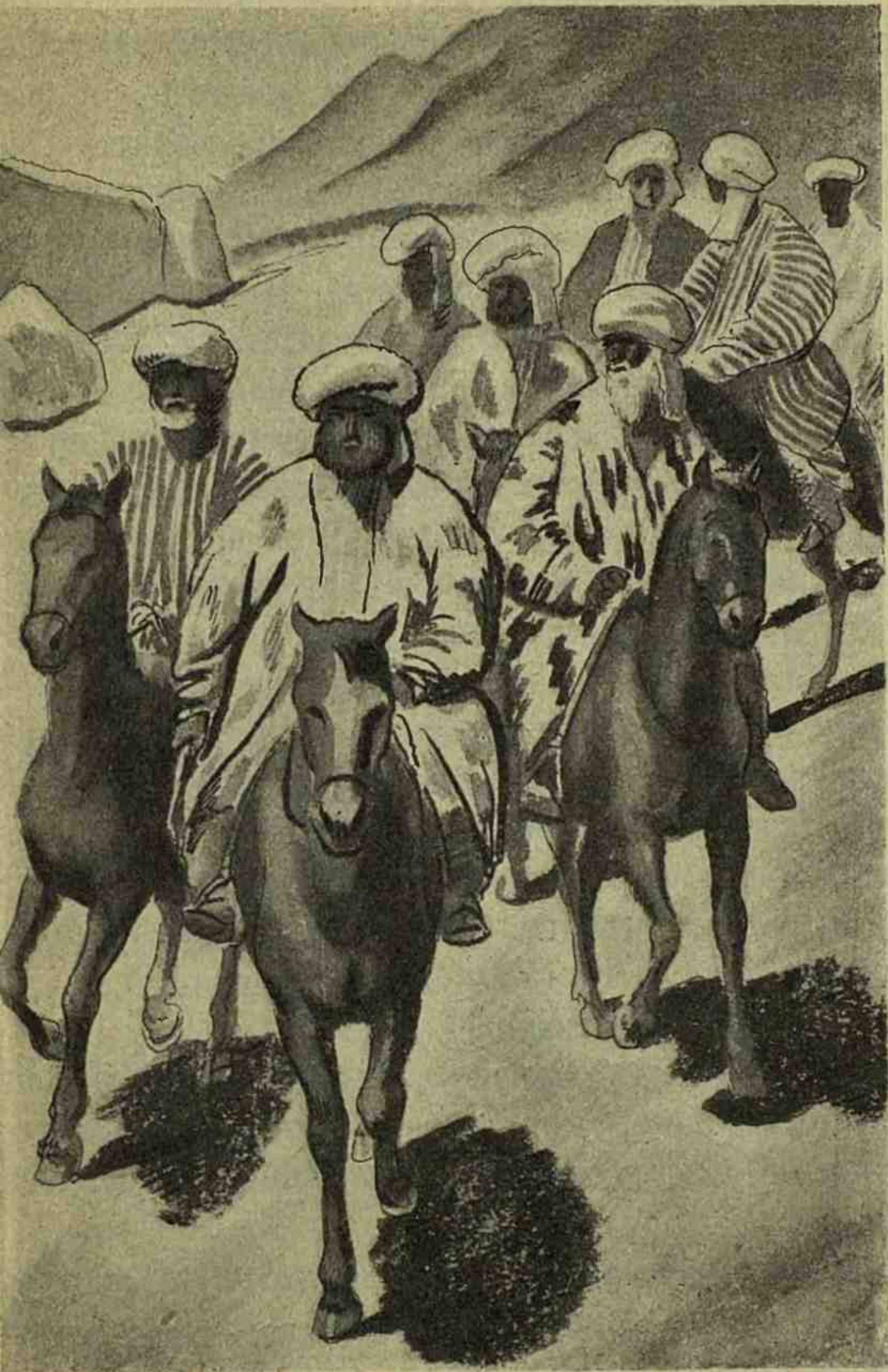
— Что скажем амлякдару? Чем оправдаемся? — забеспокоилась Халима.

— Я расскажу, как было дело, амлякдар мне поверит, — утешал Омар мать. — Только одна печать сломана, остальные печати на своих местах. [Будем лучше их караулить.

Потом Омар пошел к отцу, а Халима села возле хырмона и задумалась о дальнейшей жизни. Тревожно билось ее сердце, как будто предчувствуя страшные и неминуемые бедствия.

На другой день были сломаны две печати у Даньярова соседа, Касыма. В то время, когда сбедала Касымова семья, к хырмону подбежали куры и начали расшвыривать зерно. Верхний слой хырмона пришел в движение, печати поползли вниз и раскололись.

Накануне приезда амлякдара бедный дехкан Ульмас подкрался ночью к хырмону своего богатого соседа Тимура и толстой палкой разбил двенадцать печатей. Ульмас когда-то жил в батраках у Тимура. Хозяин при расчете не доплатил батраку. Ульмас сказал, что рано или поздно он отомстит толстому Тимуру. По всему кишлаку шли разговоры о том, какое будет наказание за сломанные печати. Три хырмона были не в порядке: у Даньяра, Касыма и Тимура.

Через пятнадцать дней к кишлаку подъезжала целая свита. На красивом гнедом жеребце ехал амлякдар (начальник над уездом). Он был одет в бледнорозовый шелковый халат. Над правым ухом из-под белой чалмы свисали две алые розы. Темнолиловая бархатная попона была обшита золстым позументом. В правой руке амлякдар держал плеть. По обе стороны от амлякдара ехали другие начальники: седобородый старик аксакал — заведующий распределением воды, амин — староста, мирза — писарь амлякдара, весовщик, священник, парикмахер, хлебопекарь и конюх амлякдара. Все ехали верхами на жеребцах. За свитой клубилась белая тонкая пыль. День был очень жаркий. Свита остановилась в конце кишлака. Толпа дехкан приветствовала начальство низкими поклонами. Каждый с тревогой прикладывал правую руку к сердцу.

Староста спросил амлякдара, с какого конца он пожелает начать осмотр хырмонов. Амлякдар сказал:

— Начнем отсюда.

У хырмона Даньяра, находившегося на другом конце кишлака, сидели Халима и Омар. Возле них лежал ослабевший от болезни Даньяр.

— Наш хырмон будут осматривать после всех, — тихо говорил больной. — Халима, подойди ко мне... Боюсь я...

Халима не могла говорить от горя. Накануне она и Омар узнали страшную новость. Из Афганистана пришел товарищ Искандера и сказал, чтоб его больше не ждали домой. По прибытии в Афганистан Искандер поступил на гончарный завод. Хозяин завода оказался скупым вымогателем. Он больше недели не хотел платить жалованья новым рабочим, проработавшим целый месяц. Он каждый день говорил им: «Получите завтра». Рабочие все больше озлоблялись, а когда, наконец, наступил день получки, хозяин выдал рабочим не столько, сколько приходилось по уговору, а вдвое меньше. Вспыльчивый Искандер сказал хозяину: «Ты — жадный волк и подлый обманщик. Ты хочешь нашим потом и каторжным трудом нажить себе миллионы». Хозяин крикнул Искандеру: «Замолчи, дрянная собака!» Но Искандер не замолчал. Тогда хозяин ударил его плетью по лицу. Искандер забыл обо всем, бросился на хозяина и, свалив его на пол, задушил платком. Трое рабочих убежали из конторы, как только Искандер затеял ссору. Двое товарищей помогали Искандеру расправиться с хозяином. Когда они выходили из конторы, их схватили и арестовали. На другой день их судили, на третий день бросили в мешках с высокого минарета. Потом трупы были увезены за город — и там выброшены на съедение шакалам.

Амлякдарская свита, решив начать осмотр хырмонов с того конца, направилась к гумну дехкана Турсуна. Вслед за начальством шли соседи и нищие. За сорок шагов от хырмона всадники спешили. Поручив своих коней дехканам, они пошли к хырмону, а подойдя к нему, оглядели его со всех сторон. Печати у Турсуна были в исправности. Начальники молча уселись вокруг хырмона.

Турсун сказал:

— Омин, алла, хакибар! (Господи, благослови меня, грешного).

Потом он взял лежавший в стороне галвыр (решето) и наполнил его зерном. В том месте, где он почерпнул зерно, печати сломались. Теперь это было не страшно, теперь их нужно было ломать.

Хозяин с галвыром пошел вокруг хырмона. Зерно из галвыра сыпалось, образуя ленту. Когда зерновая лента опоясала хырмон, оставшееся в решете зерно хозяин отдал священнику. Такая церемония называлась хакула. По поверью дехкан она очищала зерно, сильно загрязнявшееся во время молотбы.

После этого весовщик отделил от хырмона три пуда * зерна за проверку всего хырмона. Взятое зерно он высыпал в мешок амлякдара. Затем все сидевшие встали и снова несколько раз обошли

---

* Пуд равняется 16 килограммам 280 граммам.

хырмон, определяя на-глаз, сколько в нем пудов. Немного подумав, амлякдар сказал:

— По-моему, в хырмоне сто тридцать пудов.

— Семьдесят, — сказали амин и аксакал.

Писарь, конюх, пекарь, дорга и весовщик поддерживали амлякдара и уверяли, что в хырмоне не меньше ста тридцати пудов.

Амин, аксакал, хозяйева, соседи и нищие старались доказать, что в хырмоне не больше семидесяти пудов. После долгого спора обе стороны пришли к соглашению, что в хырмоне ровно сто пудов зерна. Амлякдар приказал писарю внести в налоговый список имя и фамилию дехкана.

Писарь записал:

Имя и фамилия плательщика: Турсун Аллакулов.

Размер урожая: 100 пудов.

Налог в пользу эмира: 28 пудов.

За хлопоты амлякдару: 2 пуда.

Налог в пользу амлякдара: 4 пуда.

Писарю амлякдара: полпуда.

Конюху амлякдара: полпуда.

Весовщику за весы: 3 пуда.

Дорге Пулату за наложение печатей: 1 пуд

Хлебопекарю амлякдара: полпуда.

Старосте: 4 пуда.

Заполнив все графы, писарь сказал Турсуну:

— Из этого хырмона ты отделишь сорок три с половиной пуда для уплаты налогов, остальные сорок шесть с половиной пудов остаются тебе.

В это время подошли к хозяину священник и парикмахер.

— Не забудь мне отделить два пуда, — сказал священник.

— Мне один пуд, — напомнил парикмахер.

— Еще утекает три пуда, — печально сказал Турсун.

Но на этом расхищение хозяйского добра не кончилось. Турсуна обступили побирушки, монахи и нищие и стали умолять его пожалеть их и отделить им малую толику. Они просили всевышнего Аллаха (бога) о ниспослании хозяину урожая в будущем году, они желали Турсуну здоровья и вечного блаженства в раю Магомета.

Турсун пришел в отчаяние.

— Нате! Берите! Вы хотите вытянуть из меня все жилы. Вы не приходили ко мне, когда я надрывался работой. Вы слетелись на гостовое, как стая ворон!

Пока Турсун отмерял хлеб для дармоедов, амлякдар со свитой справлял церемонию у других хырмонов. Дошла очередь до богатого Тимура, у которого Ульмасом были сломаны все двенадцать печатей. Ульмас наблюдал издали, как подошел амлякдар к большому хырмону, и развел руками от удивления. Ульмас ждал, что вот амлякдар прикажет бить Тимура плетьюми по голой спине, но вместо этого он сказал:

— Расскажи нам, Тимур, как это случилось, что все печати на твоём хырмоне оказались поломанными.

И Тимур начал так:

— О мой добрый господин! Вы знаете мои труды. Я не досыпаю ночей, я не просиживаю лишних минут за чаем. Каждую минуту я думаю о праведном труде. И Аллах не забывает меня своей милостью, посылая здоровье мне, моей жене и моим детям. Но наполнено сердце человеческое злобой, как трещины земли скорпионами. Не дают покоя мои неустанные труды лодырям и ненавистникам. И вот, в час, когда над землею царит мрак, боящийся святого лика луны, один из таких злодеев разрушил палкой все печати, наложенные именем великого эмира.

Рассказ Тимура растрогал слушателей. Многие от умиления заплакали. Амлякдар сказал:

— Я знаю Тимура. Своим трудовым потом и мозолями от тяжелого кетменя (мотыки) он радует сердце Аллаха. Я верю его рассказу.

— Мы верим рассказу Тимура, — сказали остальные из свиты амлякдара.

Ветер дул в ту сторону, где стоял Ульмас. Ульмас слышал фальшивый рассказ Тимура, и сердце бедного человека содрогалось от бессильной злобы. Ульмас хорошо знал, что Тимур с утра до вечера разъезжал по гостям и по база-

рам, а когда бывал дома, то не поднимался с ковра и не отрывался от пиалы с зеленым чаем. Все для него делают батраки. Но его рассказу верят, потому что он богатый человек и может делать дорогие подарки всем чиновникам эмира.

— Тираны! Дармоеды! — закричал Ульмас, но ветер унес слова ненависти в противоположную сторону.

Амлякдар не стал определять на-глаз вес хырмона. Он спросил у хозяина, сколько в хырмоне пудов, и хозяин ответил: «сто», хотя каждый был уверен, что в хырмоне не менее пятисот пудов. Амлякдар надеялся на хорошие подарки от Тимура и поэтому сказал писарю:

— Запиши, что у Тимура Рахимирзаева сто пудов.

В хырмоне Ульмаса было не больше пятидесяти пудов, но амлякдарский глаз обладал удивительными способностями: преуменьшая вес хлеба у богатых, он преувеличивал иногда в два раза количество пудов в маленьких хырмонах, принадлежавших беднякам.

— В хырмоне сорок пудов, — сказал, еле сдерживаясь от ненависти, Ульмас. — Я сеял шесть танапов (полторы десятины). В хорошие годы я не собирал с шести танапов больше пятидесяти пудов... Урожай в этом году плохой. В хырмоне не будет даже сорока пяти пудов.

— А по-моему, в хырмоне все-таки не меньше семидесяти пудов, — сказал с улыбкой амлякдар.

— Я не согласен с таким весом! — закричал Ульмас. — Пусть таразычи (весовщик) перевешивает весь хлеб.

К Ульмасу подошла жена Ойнеса и стала упрашивать его не делать перевешивания. Она думала, что если в хырмоне окажется семьдесят пудов, то у них отберут весь хлеб.

— Я знаю, сколько в хырмоне пудов, поэтому ничего не боюсь, — сказал Ульмас.

Соседи, староста и аксакал боялись, что перевешивание займет много времени и оттянет определение урожая в других хозяйствах. Все говорили Ульмасу:

— Бараксы кетады! (Не вешай, отдай амлякдару налог!)

Но Ульмас настоял на том, чтоб весь хлеб в хырмоне был перевешен. Амлякдар поручил своему писарю следить за правильностью перевешивания, а сам пошел к Тимуру есть плов и пить чай.

Весовщик взвесил наполненный вровень с краями галвыр (решето). Чистый вес зерна равнялся двум пудам. После этого весовщик, писарь и все остальные, кроме нескольких соседей и самого хозяина, взяли по длинной тонкой палочке и, усевшись в сторонке, сняли с головы

тюбетейки. Ульмас, наполняя галвыр, высыпал его неподалеку от хырмона. В это время все, у кого были в руках тонкие палочки, отламывали от них по маленькому кусочку и складывали в тюбетейку. Жена Ульмаса Ойнеса делала то же самое. Когда весь хырмон был пересыпан на другое место, писарь махнул рукой. Это означало, что можно приступить к счету палочек. Каждый высыпал палочки на край халата. Сосчитанные палочки снова складывались в тюбетейки. Сосчитав палочки, свидетели положили руки на животы. Писарь велел называть каждому число палочек:

— Двадцать одна! — сказал староста.

— Двадцать одна! — повторил аксакал.

Только у парикмахера оказалось девятнадцать палочек. Над ним все засмеялись, писарь сказал:

— Наверно, подумал о тупой бритве и прозевал два галвыра.

У жены Ульмаса тоже была двадцать одна палочка. Дорга Пулат пошел доложить амлякдару, что хырмон перевешен. Ульмас, увидев идущего амлякдара, сказал жене:

— У него очень плохой глаз для бедных и слишком хороший для тех, кто угощает его пловом.

Подошедший начальник спросил:

— Сколько?

— Двадцать одна галвыр, или сорок два пуда,—
в один голос сказали свидетели перевешивания.

Амлякдар пожал плечами, потом сказал:

— Странно... До сих пор мой глаз никогда не ошибался.

Ульмас дрожал от ненависти к чиновникам эмира. Он не мог сдерживать своей обиды и высказал в глаза амлякдару то, о чем думал:

— Вы не ошибались потому, что никто из бедных людей не решался перевешивать своих хырмонов. Я ошибся только на два пуда. А вы хотели приписать мне двадцать восемь лишних пудов, чтоб взять побольше налогов. Сейчас у меня на налоги уйдет двадцать один пуд, столько же останется для меня. А что бы получилось, если бы я согласился с вами, что в хырмоне семьдесят пудов? У меня бы взяли тридцать пять пудов, оставив мне с женою на весь год семь пудов. Я знаю цену вашему глазомеру. Не годится ваш глаз для определения урожая бедных!

Аксакал подошел к Ульмасу и тихо сказал:

— Не раздражай амлякдара. Он берет в правую руку плеть. Проси прощения у амлякдара за свои правдивые, но обидные слова. Проси, пока не поздно.

Аксакал отошел от Ульмаса. Амлякдар стоял хмурый. Все молчали, Ойнеса с мольбою протягивала руки к мужу. Пересиливая свою злобу, он сказал:

— Прошу простить меня. Я погорячился! Амлякдар — справедливый человек!

Гроза амлякдарского гнева рассеялась, рука амлякдара разжала плеть, прицепив ее к поясу. Чиновники пошли на другое гумно. Когда они ушли, Ульмас, сняв с головы тюбетейку, бросил ее на хьрмон. Его кулаки сжимались. Он говсрил жене:

— Я просил у него прощенья, вместо того чтобы перегрызть ему горло.

— Тогда бы тебя увели от меня и бросили с минарета, — сказала печально Ойнеса.

— Лучше умереть сразу, чем жить впроголодь много лет, отдавать последний хлеб бездельникам, унижаться перед ними и молчать, когда они сдирают с тебя шкуру!

— Что же делать? Так установлено Аллахом.

— Неправда! Ты ничего не знаешь, Ойнеса! Не Аллах, а богатые люди установили такой порядок. Если бы я имел богатырскую силу, то прежде всего уничтожил бы всех, кто не желает рабствовать, кто живет чужим трудом.

На улице запели бубенцы. Медленно шел караван верблюдов, навьюченных товарами. У верблюдов были печальные глаза и белые отверделости на суставах возле колен. Над их головами красовались уздечки с разноцветными хохслками. У переднего верблюда левый бок

был растерт седлом. Рана была страшная. Мелкие мухи копошились в запекающейся крови. Верблюд, сгибая шею, затылком сталкивал седло с больного места. От боли он ревел, а возница, худощавый узколицый узбек, надвигал седло на рану.

Чистое безоблачное небо на горизонте было подернуто белесой дымкой пустыни. Солнце разливало свое горячее золото. Ветер сушил губы людей и животных. В этот день с караваном верблюдов приехал в кишлак пастух Джуманияз Арсланов, сын Даньяра и Халимы. Он входил на свой двор в тот момент, когда к хырмону соседа Касыма приближалась амлякдарская свита. У Джуманияза были большие глаза и густые черные усы. От постоянного пребывания на воздухе его лицо сильно загорело. Он был строен, и все, кто с ним встречался, называли его красавцем. Он пришел домой потому, что получил расчет от хозяина-скотовода. Хозяин продал всех овец в Афганистан, а сам собирался переселиться в Персию.

Джуманияз пришел навестить родителей, чтобы дня через два снова куда-нибудь уйти на поиски работы. При встрече отец и мать заплакали. Они были рады, что видят Джуманияза, но в то же время им было страшно, что он получил расчет. Мать думала о том, что вот перед нею два сына — старший и младший, а среднего, Искандера, она больше никогда не увидит. Ей хотелось расска-

зять Джуманиязу о страшной смерти Искандера, но она боялась за своего мужа Даньяра. Он еще не оправился от болезни, он может умереть от горя. Джуманияз принес клубок шерсти. Передавая его матери, он сказал:

— К зиме свяжешь для Омара теплые чулки. Омару было приятно, что у него будут шерстяные чулки, и он сказал:

— Я две недели караулил хырмон. Только одна печать сломалась, но я в этом не виноват. Прохожий бросил камень в собак, а попал нечаянно в хырмон.

— Амлякдар будет придиратся, — сказал Джуманияз.

— Я расскажу амлякдару, как было дело, он поверит мне, — успокаивал родителей и брата Омар.

Мать принесла дыню и лепешек, и все стали закусывать возле хырмона. Но в это время на гумне соседа слышались вопли Касыма и глухие удары плетью. У Даньяра задрожала рука, и он уронил лепешку.

— Бьют Касыма, — тихо сказал он и прилег на солому. У него запрыгали колени, он сделался бледным, как мертвец.

— Бьют Касыма, — повторил он чуть слышно, — бьют за поломку печатей. Голую спину секут острыми плетями. Джуманияз... Омар... Халима... заступитесь за меня...

— Не бойся, отец: пока я жив, они не прикоснутся к твоей спине. Хорошо, что меня подвез караван верблюдов, и я успел явиться домой до осмотра хырмона.

— У Касыма куры виноваты. У Касыма испорчено две печати, а у нас только одна... У нас нечаянно, — в страхе говорил Омар. Халима села рядом с ним и взяла его левую руку.

— Вы большие трусы, — сказал Джуманияз и вынул из ножен, висевших на поясе, острый кинжал.

— Спрячь, спрячь, — стала умолять Джуманияза Халима, — спрячь, эта штука разлучит тебя с нами... Брось ее в арык, зарой ее в горячий песок.

— Мать, прости меня, что я не могу тебя послушать. На нас идут с плетями. Чем должны мы ответить на насилие? Молчанием? Покорностью? Нет, мы должны их встретить как равные. Разве мы не люди? Может быть, мы лучше их, а они считают нас хуже баранов! Я не брошу кинжала в арык, я не закопаю его в горячем песке!

Расправившись с Касымом, амлякдарская свита, уставшая за день и сильно проголодавшаяся, направилась к последнему хырмону. Дехкане вели под уздцы лошадей. Амлякдар и его приближенные были не в духе. Подойдя к хырмону, они сразу увидели сломанную печать.

— Тут воры! — закричал амлякдар.

— Здесь честные люди, — гордо сказал Джуманияз.

— Знаю я эту честность! Обманывать священную особу эмира, воровать из хырмона хлеб и прятать в потайных местах... Но мы научим вас уважать своих правителей!

Он с презрением посмотрел на Даньяра:

— Перестань охать и стонать. Никто не поверит в твое притворство. Ты прикинулся больным из боязни плетей, но тебе от них никуда не уйти.

Омар подбежал к амлякдару. Встав перед ним на колени, он прерывающимся от волнения голосом начал рассказ о том, как сломалась печать.

— Господин начальник, отец мой не притворяется. Он захворал на другой день после отъезда дорги Пулата. Он не мог караулить хырмона. Возле отца сидела моя мать, а я караулил хырмон. Я ходил возле хырмона целый день, я отгонял кур и мышей, а ночью, не знаю как, я уснул. Я спал недолго. Меня разбудил собачий лай. Прохожий отбивался от собак и попал в хырмон. Я сберег этот камень. Вот он. Я сказал вам всю правду, господин начальник. Не бейте моего отца. Он больной. Он умрет...

Амлякдар отшвырнул Омара. Аксакал вступился за больного:

— Прикоснитесь к пылающему лбу Даньяра, и вы поймете, что он не притворяется.

Но неумолимый по отношению к бедным амлякдар счел за оскорбление приложить свою руку к голове Даньяра. Джуманияз стоял возле отца. Халиму пугало лицо Джуманияза. С замиранием сердца она ждала конца спора. Она хотела, чтоб он обошелся без кровопролития, и в то же время не верила в такой конец.

— Снимайте с него халат! — приказал амлякдар писарю, хлебопекарю и конюху. Подчиненные, боясь ослушаться своего начальника, неуверенно подошли к больному. Среди дехкан пронесся ропот. Большинство соседей было на стороне Даньяра.

— Раздевайте! Почему вы сегодня словно вареные бараны? — угрожающе спросил амлякдар.

Писарь, конюх и пекарь хотели наклониться, чтоб стащить с больного халат, но их остановил глухой и властный голос Джуманияза:

— Вы не прикоснетесь мизинцем к моему отцу!

Все трое отступили. Это еще больше взбесило амлякдара, и, подойдя к Джуманиязу, он ударил его своей плетью в правую щеку. Лицо Джуманияза перекопилось от обиды. Схватив амлякдара за грудь, он вонзил ему в сердце кинжал. И в тот момент, когда падал на землю убитый начальник, сердце больного Даньяра разорвалось от страха. Ошеломленная толпа замерла на месте. Под оцепеневшими, испуганными взгля-

дами Джуманияз прошел к лошади амлякдара. Вскочив на седло, он вытер окровавленный кинжал о бархатную попону. Потом он крикнул матери и брату:

— Прощай, несчастная мать! Прощай, мой нежный брат! Будем живы, увидимся. Придет Искандер, передайте ему от меня поклон. Я не забуду о вас! Прощайте!

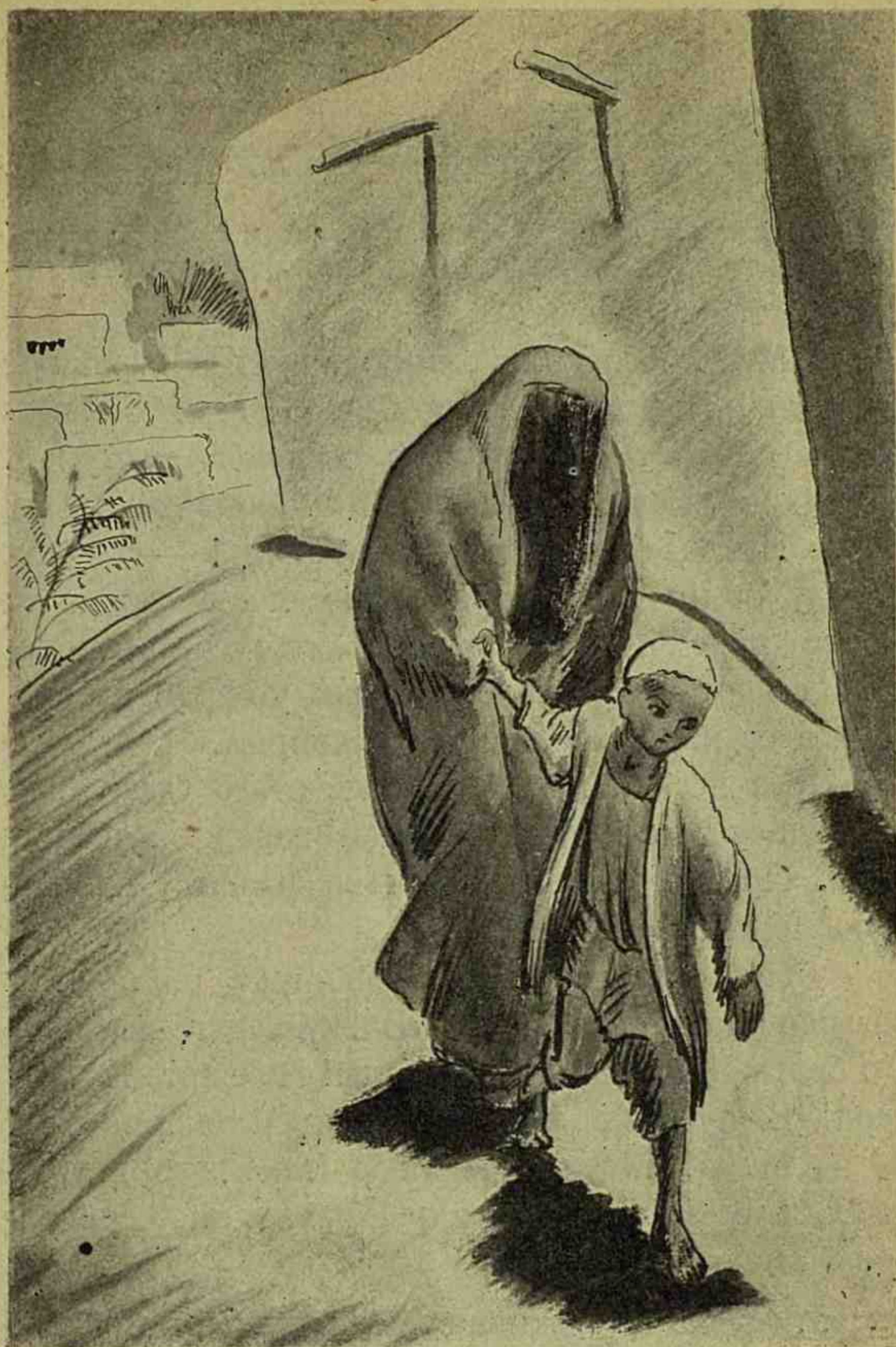
Он поскакал в сторону пустыни, не зная о том, что тело Искандера выброшено на съедение шакалам.

Поздно опомнились подчиненные амлякдара. Вскочив на коней, они погнались за Джуманиязом. Но лошадь амлякдара была самая лучшая из всех лошадей свиты. Нужно было подумать о погребении убитого чиновника, и вечером погоня вернулась обратно. Халима сидела у изголовья мертвого Даньяра с раскрытым лицом. В первый раз она открыла его, не боясь закона.

— Она сошла с ума, — сказали о ней свидетели двух смертей.

— Встань, Даньяр, — упрашивала она мужа, — встань, я расскажу тебе про Искандера. Ты ничего не знаешь об Искандере! Его бросили в мешке с минарета. Ты думаешь, он разбился? Нет, он улетел на небо. Он прилетит поговорить с тобою. Он уже летит. В его ноге застряла заноза. Помнишь, как он боялся возвращаться к Гончарному мастеру? А ты говорил ему: «Терпи,

Искандер. Будешь терпеть — живым останешься, не захочешь терпеть — с голоду умрешь». Он запомнил твой урок!

Священник распорядился, чтобы тело амлякдара перевезли в его квартиру, в соседний кишлак. Потом он обратился ко всем присутствующим с такою речью:

— Мы прогневили эмира, допустив страшное убийство. Нас ждет справедливое возмездие. Оградим себя от соучастия в зверском поступке. Предадим скрывшегося убийцу проклятью.

— Пусть будет проклят убийца! — сказали прислужники амлякдара. Но молчали дехкане. После церемонии проклятья священник предложил передать в пользу семьи убитого амлякдара весь хлеб, собранный Даньяром.

Через несколько дней после этого Омар шел из родного кишлака в чужой город за подаянием. Правой рукой он вел свою мать, лишившуюся рассудка.

— Пойдем, пойдем, — говорила она. — Мы разыщем косточки Искандера! Мы догоним твоего брата Джуманияза. Шакалы! Не ешьте Искандера! В пустыне много ящериц и скорпионов!

— Мама! Мама! Не надо так говорить, — умолял безумную старуху худенький черноволосый мальчик.

ЭТО БЫЛО В ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ В ТУРКЕСТАНЕ,
ВО ВЛАДЕНИЯХ ЭМИРА БУХАРСКОГО.

[40372

K.

90 =

4a